

Культура и цивилизация (Донецк)

Выпуск 1 (19)
2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2522-9788

*НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
*&
**
2015г.
ОГРН 1051600000000

Культура

и цивилизация (Донецк)

Выпуск № 1 (19)
2024

Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. Издаётся с 2015 г. Периодичность издания: 4 раза в год.

Форма распространения: электронное периодическое издание

Включён в научометрическую базу РИНЦ. Договор с РИНЦ № 425-07/2016 от 14.06.2016г.

Включён в электронную библиотеку и научометрическую базу CYBERLENINKA. Договор № 33919-01 от 31 октября 2018 г.

В журнале публикуются научные статьи и материалы, освещающие философские и политологические исследования проблем культурного и цивилизационного развития современного общества, вступившего в фазу острого кризиса своих основ.

Учредитель и издатель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет».

Редакционная коллегия: Главный редактор – Т. Э. Рагозина, д.филос.н.; зам. главного редактора – С. В. Дрожжина, д.филос.н.; Г. В. Драч, д.филос.н.; В. П. Римский, д.филос.н.; С. П. Поцелуев, д.полит.н.; А. И. Атоян, д.филос.н.; Т. В. Лугуценко, д.филос.н.; В. М. Шелюто, д.филос.н.; А. В. Гижа, к.филос.н.; Б. И. Молодцов, к.филос.н.; Н. А. Басенко, к.полит.н.; М. М. Кухтин, к.полит.н.; С. И. Сулимов, д.филос.н.; К. В. Черкашин, к.полит.н.; И. В. Черниговских, к.филос.н.

Ответственный секретарь – к.филос.н. А. В. Гижа.

Адрес редакции: Донецкая народная Республика, 83001, г. Донецк, ул. Артёма, 96, ФГБОУВО «ДонНТУ», 3-й уч. корпус, кафедра философии. Тел.: +7-949-334-9416.

Эл. почта: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.ru>

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики. Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000143 от 20.06.2017.

За содержание статей и их оригинальность несут ответственность авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Подписано к печати по рекомендации Учёного Совета ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет». Протокол № 2 от 29.03.2024 г.

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«DONETSK NATIONAL TECHNICAL UNIVERSITY»

ISSN 2522-9788

* SCIENTIFIC JOURNAL *
FOUNDED IN 2015 * C & C *

Culture

& CIVILIZATION (Donetsk)

Issue № 1 (19)
2024

Culture and Civilization (Donetsk). Scientific journal. Published since 2015. Published 4 per year.

Circulation type: online periodical magazine

Included into scientific database of Russian Index of Scientific Quotations (RISQ). Contract with RISQ no 425-07/2016 dd 14.06.2016.

Included into e-library and scientific database of CYBERLENINKA. Contract with CYBERLENINKA № 33919-01 dd 31.10.18

The Journal is devoted to publishing of scientific articles and materials in the field of philosophic and political sciences' problems of cultural and civilizational development of modern society, which has entered the stage of severe crisis of its basics.

Founded and published – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National Technical University".

Editorial board: Editor-in-Chief – T. E. Ragozina, Ph.D.; Vice Editor-in-Chief – S.V. Drozhina, Ph.D.; G.V. Drach, Ph.D.; V. P. Rimskiy, Ph.D.; S.P. Potseluev, Political Sciences Doctor; A.I. Atoyan, Ph.D.; T.V. Lugutsenko, Ph.D.; V.M. Shelyuto, Ph.D.; A. V. Gizha, Candidate of Philosophic Sciences; B. I. Molodtsov, Candidate of Philosophic Sciences; N. A. Basenko, Candidate of Political Sciences; M. M. Kukhtin, Candidate of Political Sciences; S. I. Sulimov, Ph.D.; K.V. Cherkashin, Candidate of Political Sciences; I. V. Chernigovskyh, Candidate of Philosophic Sciences.

Secretary in Charge – Candidate of Philosophic Sciences A. V. Gizha.

Editorial office's address: Donetsk People's Republic, 83001, Donetsk, Artema str., 96, Donetsk National Technical University, 3rd Campus, Philosophy Chair. Tel.: +7-949-334-9416.

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.ru>

The journal is registered by Ministry of Information of Donetsk People's Republic. The Certificate on registration of mass media № 000143 dd 20.06.2017

Contents and originality of the articles are of the authors' responsibility. The editors' opinion may differ from that of the authors'.

Signed to publishing according to recommendation of the Scientific Board of «Donetsk National Technical University». Protocol № 2 dd 29.03.2024.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(Донецк)

Научный журнал

Основан в 2015 году

Выходит 4 раза в году

№ 1 (19) / 2024

ISSN 2522-9788

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Рагозина Т. Э.	Притязания политического проективизма: можно ли отменить законы всемирной истории?	7
Кухтин М. М.	Альтернативная история: воображаемые миры или другая реальность?	16
Гижя А. В.	Как теряется научная основа философии: некоторые итоги её внеидеологического существования	23

Политические науки

Виммер Каролос	Капиталистический кризис и поражения прогрессивных и левых правительств в Латинской Америке	30
Коппе Ренате	«Историческая память» как инструмент фальсификации истории	38
Хюсер Александр	Исследования Восточной Европы в зеркале концепции «деколонизации»	45

Теория и история культуры, искусства

Баканов Д. В.	Драматург Уильям Шекспир лишь повод для постановки	53
Сулимов С. И., Черниговских И. В.	Мидизм как культурный и исторический феномен	63

Философская антропология, философия культуры

Армен А. С.	Феномен отчуждения и противоречия современной цивилизации: линии совпадения	69
Селюков С. А.	Концепция «архаичного человека» К.-Г. Юнга в свете теории «коллективного бессознательного»	77
Приложения	Требования к оформлению научных статей	85
	Образец оформления статьи	86

CULTURE & CIVILIZATION

(Donetsk)

Scientific journal

Founded in 2015

Published 4 per year

No. 1 (19) / 2024

ISSN 2522-9788

Philosophy		
Ragozina T. E.	The Claims of Political Projectivism: Is It Possible to Abolish the Laws of World History?	7
Kukhtin M. M.	Alternate history: imaginary worlds or another reality?	16
Gizha A. V.	How the scientific basis of philosophy is lost: some results of its extra-ideological existence	23
Political sciences		
Wimmer Carolus	Capitalist crisis and the defeats of progressive and left-wing governments in Latin America	30
Koppe Renate	«Historical Memory» as a Tool Falsifications of History	38
Hueser Alexander	Eastern European research in the Mirror of the concept of «decolonization»	45
Theory and history of culture, art		
Bakanov D. V.	Playwright William Shakespeare is just a reason to stage	53
Sulimov S. I. Chernigovskikh I.V.	Midism as a cultural and historical phenomenon	63
Philosophical anthropology, philosophy of culture		
Armen A. S.	The phenomenon of alienation and contradictions of modern civilization: lines of coincidence	69
Selyukov S. A.	The concept of «archaic man» K.-G. Jung in the light of the theory of the «collective unconscious»	77
Annexes	Requirements to design of scientific articles	85
	Examples of articles' design	86

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(д. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

ПРИТЯЗАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТИВИЗМА: МОЖНО ЛИ ОТМЕНИТЬ ЗАКОНЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ?

Аннотация. Статья представляет собой попытку взглянуть на закономерности развития общественной истории людей через призму объективных отношений и противоречий современного общества, обосновав ограниченность притязаний политического проективизма как стратегии мирового капитала управлять человеческим сообществом в соответствии с определённым сценарием. В связи с этим автор задаётся вопросом: можно ли перехитрить всемирную историю, обойдя объективные законы её развития и заставив её осуществляться в соответствии с неким «проектом»?

Ключевые слова: противоречия всемирной истории, история как объективный процесс, история как равнодействующая разнонаправленных интересов, политический проектivism.

T. E. Ragozina

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

THE CLAIMS OF POLITICAL PROJECTIVISM: IS IT POSSIBLE TO ABOLISH THE LAWS OF WORLD HISTORY?

Annotation. The article is an attempt to look at the patterns of the development of public history of people through the prism of objective relations and contradictions of modern society, justifying the limitations of the claims of political projectivity as a strategy of world capital to manage the human community in accordance with a certain scenario. In this regard, the author wonders: is it possible to outwit world history by bypassing the objective laws of its development and forcing it to be carried out in accordance with a certain "project"?

Key words: contradictions of world history, history as an objective process, history as the result of multidirectional interests, political projectivity.

Вопросы о сущности законов и движущих сил, управляющих ходом всемирной истории, с особой остротой вставали перед человечеством всякий раз, когда общество оказывалось на переломе эпох. Нынешняя переломная эпоха – не исключение¹.

Поэтому вопросы общефилософского свойства о сущности исторических изменений, не спрашивая нас, сегодня сами встают перед нами, получая мощный импульс от происходящего. И прежде всего это связано со следующими обстоятельствами: резкое обострение противоречий современного общества, вступившего в эпоху позднего капитализма, в очередной раз ввергает человечество в опасность силового переустройства мира, в опасность навязывания глобализма как такого миропорядка, который должен утвердиться в результате осуществления политического проекта «коллективного Запада» во главе с США, претендующими на роль мирового гегемона и единственного центра силы.

Всё это в немалой степени свидетельствует о возрастании в современной истории удельного веса *субъективного фактора*, который явственно обнаруживает себя в так называемом *проективном характере* многих процессов, инспирированных вполне конкретными силами как внутри отдельных государств, так и на мировой арене.

Именно эти обстоятельства актуализируют сегодня старый философский вопрос о сущности истории, заставляя экстраполировать его на современный этап развития. Сегодня он звучит так: означает ли факт *телеологии истории*, т.е. факт наличия объективно-целесообразного характера исторических процессов, обусловленный тем, что в истории действуют люди, наделённые сознанием и волей, – означает ли это, что на современном этапе истории основой развития выступают уже не объективные законы, а разного рода *проективизм* как главная движущая сила исторического развития? Означает ли это, что тот или иной ход развития истории является результатом успешной реализации чьего-либо *проекта* и что история в целом осуществляется в соответствии с определённым *сценарием*?

В связи с этим старый философский вопрос о соотношении в истории объективных и субъективных механизмов развития, будучи преломлён через призму проективизма, сегодня получает прямо-таки экзотическое звучание, а именно: можно ли написать *либретто будущей всемирной истории*?

Ранее тематикой мне уже доводилось говорить о том, что эпоха позднего капитализма, которую сегодня переживает мир, есть эпоха исчерпания жизненного

¹ Новым моментом здесь, пожалуй, является лишь то обстоятельство, что сегодня именно мы, а не прошлые поколения, находимся на гребне событий и процессов, ещё не получивших своего завершения. А это значит, что *сумерки ещё не наступили и Сова Минервы ещё не начала свой полёт*.

потенциала и сроков существования капитала как конкретно-исторической формы организации общественной жизни, поскольку капитализм вступил в фазу разрушения основ своего собственного существования [1, с. 15-16].

Индикаторами этого процесса служат следующие тенденции: 1) капитал, которому в период его становления и восходящего развития были жизненно необходимы сильные *сouverенные национальные государства* как условие нормального функционирования *национальных рынков*, сегодня, в лице самых развитых в экономическом отношении стран, перешёл к планомерному разрушению вошедших в орбиту его интересов суверенных государств и их национальных экономик; кроме того, экономические интересы представителей крупного капитала, входящих в *наднациональные структуры*, всё больше входят в противоречие с интересами также и своих собственных национальных государств; 2) *верховенство права* уступило место *правилам и стандартам*, навязываемым в обход всех правовых механизмов: в первую очередь это касается *международного права*; 3) *свободная конкуренция* как главный принцип и механизм функционирования рыночной экономики сегодня оказалась неэффективным механизмом, вытесняемым силовыми методами в виде санкций; более того, *свободная конкуренция* как механизм регулирования рыночной экономики оказалась вместе с «Северными потоками» взорвана спецслужбами США – причём, в прямом смысле этого слова.

Стоит ли сомневаться, что капитал, вступая в фазу разрушения своих собственных основ и лишая себя условий своего эффективного воспроизводства, всё явственнее обнаруживает устойчивую тенденцию не только к сокращению своего жизненного пространства, но и к сокращению исторических сроков своего существования?

Стоит ли при этом сомневаться также в том, что *капитал*, вступив в фазу исчерпания своего жизненного потенциала, будет именно в связи с этим предпринимать любые, даже самые авантюристичные и губительные для всего мира, попытки продления исторических сроков своего существования с целью избежать социалистической перспективы, «прелюдия» к которой уже звучит набатным колоколом? – Судорожные попытки капитала отодвинуть свой финал, которые происходят прямо на наших глазах, рассеивают всякие сомнения на сей счёт.

Именно в связи с этим как раз и встаёт вопрос о том, что же всё-таки возобладает в ходе развития указанных выше тенденций: **а)** наступит ли качественно новый миропорядок в результате действия *объективных законов*, тенденциально содержащих в себе перспективу социализма, который по всем признакам буквально дышит в затылок человечеству, или **б)** новый миропорядок будет установлен в результате успешного осуществления *политического проекта коллективного Запада во главе с США*, благодаря чему в мире утвердится *глобализм как форма продлённого господства капитала*?

В том-то всё и дело, что *глобализм* – это не просто американский гегемонистский проект, нацеленный на утверждение миропорядка, который предполагает

управление миром и контроль за ним из одного центра силы, осуществляемые к тому же в интересах только этого *одного центра силы*. Глобализм есть не что иное, как предсмертный проект *капитала*, вступившего в эпоху *позднего капитализма*, вынужденного уходить с исторической сцены; глобализм – это попытка мирового *капитала продлить сроки своего существования*. В этом его глубинная сущность и подоплётка.

Конечно, поздний капитализм имеет свои особенности. И всё же необходимо заметить: антагонизм, ранее проявлявший себя преимущественно в форме противоборства классов внутри развитых капиталистических обществ, а также в форме колониального гнёта по отношению к странам третьего мира, сегодня приобретает тотальный характер глобального межцивилизационного противостояния, при этом не устранив, а повышая градус противоречий капитализма как общественного строя и выводя их на качественно новый уровень. Характер противоречий позднего капитализма, выйдя на уровень межцивилизационного противостояния, отнюдь не утратил при этом своей природы *классового антагонизма между трудом и капиталом* – по этому поводу нет ни малейших иллюзий. Поэтому сегодня, используя образ, созданный Мих. Лифшицем более полвека тому назад в контексте размышлений о схожих проблемах, можно сказать так: *глобализм – это своеобразная «...обида на всемирную историю, которая ставит под сомнение право обеспеченного меньшинства наслаждаться комфортом за счёт остального мира»* [2].

Вопрос, который встаёт ныне: способен ли *капитал* как форма организации общества всё же найти сегодня такой способ развития событий, который в итоге даст ему возможность не просто отодвинуть в долгосрочную историческую перспективу неизбежный исторический финал заката капиталистической цивилизации, но и вообще позволит снять его с повестки дня в качестве экзистенциальной угрозы для себя?

Проще говоря, можно ли обмануть историю, перехитрив её объективные законы развития? Возможно ли такое течение событий, в результате которых притязания политического проектivismа всё же будут удовлетворены и истории будет навязан желаемый мировым капиталом сценарий развития?

Согласно фабуле интересующей нас проблематики, мы вынуждены обратиться к классической философской мысли, которая оставила нам блестящие образцы научного понимания сути всемирно-исторического процесса.

В частности, обращаясь к гегелевской философии истории, мы наталкиваемся на открытый Гегелем факт существования в истории так называемой *диалектики отрицательности* (*Negativität*)², демонстрирующей нам динамику негативной об-

² «У Гегеля, - пишет М. Лифшиц, - есть много определений ...фантastического существа, известного под именем «дух». <...> Но среди определений духа есть, конечно, и очень глубокие. Самым важным из них является определение его как вечной живой «отрица-

ратной силы целого. В лекциях по философии истории Гегель следующим образом объясняет возникновение этого феномена в виде негативной обратной силы целого: это связано с тем, что «...во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются ещё и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется ещё и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» [4, с. 27].

В реальной истории, поясняет далее Гегель, в качестве результата действий индивидов действительно возникает нечто, что не входило в их намерения и что, получив статус *самостоятельной силы* (в качестве совокупности сложившихся отношений), само начинает господствовать над людьми, выполняя роль «обратного удара», сокрушающего, как палач на плахе, человеческие устремления и превращающего в тщету людские намерения³. Причём, Гегель неоднократно показывает (в том числе на конкретных примерах), что силы эти люди вызывают к жизни своими собственными действиями, и в этом смысле люди, конечно же, сами творят свою историю. Но только лишь в этом смысле, ибо реальная история складывается и протекает всё же *не по сценарию индивидов*, преследующих свои эгоистические интересы. Такова *формула*, фиксирующая *всеобщую закономерность истории*!

Вряд ли кто станет отрицать, что этот момент – абсолютно родственен материалистическому пониманию истории⁴. Достаточно вспомнить изложение сути материалистического понимания истории, данное Ф. Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также в «Письмах об историческом материализме», чтобы убедиться в том непреложном факте, что философия истории Гегеля действительно выступает прямой предтечей исторического материализма⁵.

тельности», Negativität. Это и есть основная мысль гегелевской диалектики. <...> ...всякое определённое отношение имеет тенденцию превращаться в нечто *обратное*» [3, с. 142].

³ Это обстоятельство убедительно свидетельствует о наличии в истории людей некоего *объективного субъекта* как вполне самостоятельной и реальной силы (пусть и *не антропоморфного, а социоморфного характера*), не зависящей от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение [5, с. 15-25].

⁴ В частности, Ф. Энгельс, фиксируя такую особенность развития истории, которая проявляется в том, что «...действия имеют известную желаемую цель, но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны» [6, с. 306], характеризует её как *всеобщую закономерность истории*. «Каков бы ни был ход истории, - говорит Энгельс, почти дословно повторяя приведённую выше мысль Гегеля, - люди делают её так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир – это именно и есть история» [6, с. 306].

⁵ Об этом же удивительном феномене – о наличии в историческом развитии обратного действия социальной силы целого – ещё в 1845 году писали в «Немецкой идеологии» К. Маркс с Ф. Энгельсом [7, с. 33].

Именно этот момент, фиксирующий наличие в общественной истории людей некоей самостоятельной социальной силы (не антропоморфного, а социоморфного характера), обнаруживающей себя в виде возвратного действия известной совокупности сложившихся отношений целого, одинаково разделяемый и Гегелем, и Марксом, и Энгельсом, является главным ключевым моментом рационального, научного постижения общественных процессов, через призму которого мы теперь и попытаемся взглянуть на проблемы, поставленные в самом начале нашей статьи.

Итак, возвращаясь к поставленным выше вопросам, посмотрим, применима ли эта «формула всемирной истории» к нынешнему этапу развития общества или же она устарела настолько, что её пора отправить на «свалку истории»?

Процессы, стремительно происходящие сегодня, прямо на наших глазах меняют контуры, казалось бы, такого устойчивого мира. Так, сегодня становится вполне очевидным, что параллельно с планомерной реализацией *глобального проекта* Запада, которому, казалось бы, ещё недавно не было никакой альтернативы и который надвигался с неотвратимостью рока, в мире с самого начала латентно происходили встречные, обратные по своей направленности, процессы *деглобализации*, которые сегодня обрели черты вполне явных тенденций противостояния глобализму. В итоге сегодня мир оказался расколот на крупные макрорегионы, представленные относительно самодостаточными в экономическом плане политическими центрами силы, а иллюзия однополярного мира неожиданно столкнулась с грубой реальностью в виде набирающего силу нового, многополярного мира, в котором роль мирового гегемона в лице США не только не предопределена, но и вообще поставлена под сомнение самой логикой развития событий⁶.

Как видим, geopolитические намерения коллективного Запада во главе с США, направленные на ослабление других крупных политических центров, пока не привели к нужным результатам. Более того, коллективный Запад, объявив открыто о своих целях достичь полного стратегического поражения России и вступив в беспрецедентно агрессивную схватку, причём не только с Россией, но и одновременно с Китаем (и всё это на фоне напряжённых отношений с КНДР и Ираном), – на данный момент вынужден в лице своих собственных экспертов констатировать, что эти намерения привели к прямо обратному итогу, в результате чего «страшный сон» американских стратегов вдруг в одночасье стал явью: произошло быстрое и далеко идущее по своим последствиям стратегическое сближение России с Китаем, Ираном и Северной Кореей, причём не только в экономической, но и в военно-технической сферах.

⁶ Ибо, как оказалось на поверку, интересы не только России, Китая, глобального Юга, арабского мира, африканских стран, но также и Евросоюза объективно не совпадают с интересами англо-саксов в лице США и Британии, входя в известное противоречие и противостояние друг с другом.

Это то, что вкратце можно уже сегодня сказать о степени реалистичности притязаний глобалистского проекта быть сценарием развития всемирной истории. Каков будет его финал и в какой мере он будет окончательно посрамлён – покажет ближайшая историческая перспектива.

Теперь несколько слов о процессах так сказать регионального уровня, которые заслуживают отдельного внимания. В частности: когда страны старой Европы, учредившие в своё время Европейский Союз во главе с Германией, принимали в его состав Польшу и страны Балтии, намереваясь таким образом укрепить себя как новый геополитический центр силы и одновременно ослабить Россию, продвигая НАТО непосредственно к её границам, – преследуя эти конкретные цели, вряд ли они предполагали, что Польша с самого начала будет выполнять отведённую ей Вашингтоном роль *рычага воздействия и ослабления* Евросоюза в целом, не говоря уже о такой «деликатной миссии», как быть узкой для Германии.

Далее. Как известно, страны Евросоюза, с энтузиазмом и весьма энергично приняли участие в реализации проекта «Украина», который вначале был анонсирован европейскому миру под названием «Анти-Россия», чтобы не вызывать у лидеров европейских стран ненужных и опасных прозрений и догадок насчёт его действительного предназначения. Страны Европы, всемерно поддерживая проект «Украина» как инструмент достижения целей по развалу России и при этом наивно рассматривая самих себя наравне с США в качестве несомненных выгодополучателей от реализации этого проекта, вряд ли думали, что в итоге они сами окажутся в геополитической ловушке, став *объектами манипулирования* в рамках чужого сценария, ибо «проект Украина» с самого начала был направлен не только против России, но в равной мере выступал инструментом ослабления также и Евросоюза и в первую очередь служил рычагом ослабления экономики Германии как главной опоры ЕС.

В результате всего этого Германия, как считают многие аналитики, в первую очередь как раз и оказалась в геополитической ловушке: как известно, проект Евросоюза – это прежде всего германский проект (проект «Угля и стали»), проект германского капитала. И поскольку сейчас происходит вывод большого числа крупных предприятий с территории Германии на территорию США; поскольку высокая конкурентоспособность германской тяжёлой и химической промышленности в результате разрыва экономических отношений с Россией, поставлявшей ей сверхдешёвые энергоресурсы, уходит в прошлое; поскольку устойчивой тенденцией стало снижение темпов экономического развития порядка на 6-7% в годовом выражении, ибо германская экономика уже не может успешно развиваться при таких ценах на энергоносители; поскольку в целом запущен в действие мощный фактор *деиндустриализации* германской экономики, – поскольку сейчас под вопросом оказывается *прочность конструкции всего Евросоюза*. А сама Германия всё больше превращается из *субъекта политики* в *объект* чужих геополитических проектов.

В этой связи обращает на себя внимание целый ряд фактов. 1) Факт активного перевооружения Польши (причём, не в соответствии с военно-техническими образцами Европы). Спрашивается: против кого оно стратегически направлено? – Только ли против России? 2) Против кого стратегически направлено военное разоружение Германии под видом необходимости поставок вооружений в Украину и обескровливание Германии путём выкачивания у неё систем «Таурус» для отправки их опять-таки в Украину? 3) Что подразумевает и чем закончится иск Польши к Германии на \$2 000 000 000 000 (два триллиона долларов)?

Иными словами, Украина вместо вхождения в Евросоюз оказалась весьма действенным средством разрушения Евросоюза. Оказывается, что затяжной военный конфликт на территории Украины как буферной зоны между Евросоюзом и Россией предусматривал не только ослабление и развал России, но и сценарий возможного переустройства / переформатирования Европы (уже не с Германией во главе). Поэтому главная интрига успешности глобалистского проекта США сегодня представлена вопросом: даст ли Европа в лице Германии окончательно развалить себя в угоду интересам Капитолийского холма?

Приходится признать, что сегодня, как, впрочем, и всегда, всемирная история (на глобальном уровне, а также на региональном и даже локальном уровнях) полна драматизма: одна из хитростей мирового разума сегодня, как и прежде, состоит в том, что даже крупным игрокам мировой геополитики наперёд не дано знать, что их, казалось бы, вполне реалистичные намерения и цели на самом деле уже проанализированы противниками и предусмотрены в чём-то чужом, встречном геополитическом сценарии, в котором им отведена роль отнюдь не *субъектов* мировой политики, а всего лишь *объектов*, в результате чего их дерзкие цели неизбежно будут существенно скорректированы, отчасти нейтрализованы, а то и вовсе посрамлены.

Поэтому думать, что будущее мироустройство с неизбежностью обретёт желаемые контуры в соответствии с проектом какого-либо одного центра политической силы, что намерения и замыслы главных политических игроков на международной арене приведут к образованию желаемого ими миропорядка, – думать так было бы весьма наивно: *написать либретто всемирной истории не удастся никому (тем более – в одиночку)*. А, стало быть, искушение обмануть историю, как бы велико оно ни было, потерпит фиаско.

Новый миропорядок, как это и всегда было в истории, возникнет в качестве некоей *равнодействующей*, складывающейся в результате столкновения многих разнонаправленных интересов, политических воль, стремлений и действий. И эта возникшая на этапе заката капитализма *равнодействующая* (в виде сложившейся системы международного разделения труда – мирового рынка) станет той объективной силой, которая в качестве *закона истории* будет определять место и роль каждого центра политической силы на мировой арене (а не наоборот).

Список литературы

1. Рагозина Т. Э. Человек и общество: что век грядущий нам готовит? // Человек и общество на переломе эпох: поиски стратегий развития: материалы межд. науч. конф., 21 апр. 2023 г. / отв. ред. Т. Э. Рагозина. – Донецк : ДонНТУ, 2023. – С. 7-18.
2. Лифшиц М. Карл Маркс и современная культура
<https://reallib.org/reader?file=137654>
3. Лифшиц Мих. Дух и его действительность. 1974 г. / М. Лифшиц. О Гегеле. – М.: ООО «Издательство Грюндриッсе», 2012. – С. 127-151.
4. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII. Философия истории / пер. А. М. Водена, под ред. и с предислов. Ф. А. Горохова. – М. ; Л. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. – 470 с.
5. Рагозина Т. Э. Объективный субъект истории, или что значит «стоять на пороге материалистического понимания истории» Часть I // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2023. – Выпуск № 1 (17). – С. 15-25.
6. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 21. – С. 269-317.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7-544.

УДК 930.1

М. М. Кухтин

(к.полит.наук, доцент)

Донецкий государственный университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ: ВООБРАЖАЕМЫЕ МИРЫ ИЛИ ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация. Тезисы посвящены анализу концептуальных оснований альтернативной истории. Делается вывод о существовании непротиворечивых базовых онтологий, в принципе допускающих эмпирическую верификацию и вполне совместимых с вероятностным подходом к историческому процессу. Кроме того, предлагаемые в его рамках модели могут сохранять познавательное значение, даже если они не являются непосредственным отражением внешней реальности.

Данные проблемы важны для уточнения логической структуры исторического процесса, кроме того, их изучение помогает глубже осмысливать традиционную методологию гуманитарных дисциплин, полнее выявив ее эвристический потенциал и имманентные ограничения.

Ключевые слова: альтернативная история, базовая онтология, философия науки, контрафактические суждения, мультивселенная.

М. М. Kukhtin

(Candidate of Political Sciences, Associate Professor)

Donetsk State University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

ALTERNATIVE HISTORY: IMAGINARY WORLDS OR ANOTHER REALITY?

Annotation. The points are devoted to the analysis of the conceptual foundations of alternative history. It is concluded that there are consistent basic ontologies that, in principle, are empirically verifiable and completely compatible with the probabilistic approach to the historical process. In addition, the models proposed within its framework can retain cognitive significance, even if they are not a direct reflection of external reality. These problems are important for clarifying the logical structure of the historical process; in addition, their study helps to better understand the traditional methodology of the humanities, more fully revealing its heuristic potential and inherent limitations.

Key words: alternative history, basic ontology, philosophy of science, counterfactual propositions, multiverse.

Современность по-новому поставила вопрос об основаниях исторической науки. Данная проблематика отнюдь не сводится к осмыслиению накопленного опыта общественного развития, поскольку исторический метод является одной из основ познания как такового. Любая наука должна уметь прослеживать развитие как своего предмета, так и своих представлений о нем. Даже математика, являющаяся для многих образцовым воплощением «вечных истин», отражает свойства пространства и времени, поэтапно сформировавшиеся в первые секунды после Большого взрыва.

Кроме того, смена исследовательских парадигм – не просто вычеркивание заблуждений и замена их истинами, а сложный противоречивый процесс, где ничто не пропадает даром, а новые подходы активно используют достижения старых. Теория движения Аристотеля устарела, но не устарели апории элеатов, с которыми ему приходилось иметь дело. Классическая механика продолжает работать для ограниченных скоростей и расстояний.

Наконец, принцип единства исторического и логического неразрывно связывает вопросы "Что это?", "Как это работает?" и "Как это возникло?" Знание – это не только сумма доказанных положений, но и весь процесс их вывода из «сырого» эмпирического материала, который явно или скрыто соединяется с определенной аксиоматикой, что позволяет придать ему логическую структуру, способную порождать новые смыслы. Данный тезис был обоснован еще Г. Гегелем и классиками марксизма, его уточнением до известной степени можно считать аксиоматический метод К. Гёделя. Как отмечал уже К. Уолц, структура знания не задана самими фактами как некая неизбежность [1, с. 5], лишь последующая практика позволит окончательно отсеять ее нерелевантные интерпретации. При этом только наличие полностью отрефлексированного порождающего алгоритма превращает знание из механической суммы в истинную систему.

Наконец, в ефремовских утопиях неоднократно подчеркивается, что главной наукой будущего станет именно история. И речь здесь идет не о примате гуманистических наук над естественными, а об осмыслиении пройденного пути и «дорожной карте» дальнейшего движения. То есть, И. А. Ефремов, по сути, рассматривает историю как метанауку, способную интегрировать и синтезировать все области человеческого знания.

Таким образом, методы и приемы исторического исследования, включая работу с первоисточниками и историографией, достаточно легко превратить в универсальный инструмент, возможности и ограничения которого можно интерпретировать по-разному в зависимости от философских установок конкретного автора. Разговор об альтернативной истории может существенно помочь прояснению последних. Сказанного достаточно для обоснования актуальности заявленной темы.

Цель исследования – оценить релевантность альтернативной истории как особой стратегии культурного освоения прошлого. Для ее достижения необходимо выполнить следующие задачи:

- охарактеризовать эвристический потенциал таких теорий для традиционной историографии;
- изучить предлагаемые ими неклассические базовые онтологии;
- проанализировать методологию альтернативной истории.

Можно выделить четыре группы источников, отражающих различные аспекты заявленной темы. Изучаемые идеи воплощены в ряде специальных исследований, которые могут плавно перетекать в собственно философские [2; 3]. Наконец, они прямо или косвенно отражены в художественных произведениях [4; 5; 6] и религиозных текстах [7; 8; 9; 10]. Интересно отметить, что некоторые мыслители рассматривают фантастическую литературу как «присоединенный архив» или даже интегральную часть социальных дисциплин [11, с. 5-6].

Среди теоретических проблем гуманитарных наук важное место занимает идея вариативности исторического процесса. Мог ли бы он развиваться иначе от какой-нибудь фиксированной точки в прошлом, при неизменных стартовых условиях? И какое теоретическое и практическое значение имело бы положительное разрешение данного затруднения? Даже в сугубо материалистической онтологии такие вопросы не лишены смысла. Во-первых, здесь допустима известная аналогия с комментированием шахматных партий. Будучи сыгранными, они точно так же не знают сослагательного наклонения, как и любое другое событие прошлого (по крайней мере, в рамках некоторых философских парадигм). Однако их изучение требует анализа побочных вариантов, без которых решения игроков не могут получить правильного освещения. Таким образом, несбывшееся оказывается не просто отрицанием сбывающегося, но и его необходимым контекстом, комментарием и ключом к нему.

Далее, наука не может ограничиваться простым описанием исторических событий, она должна выявлять их логическую структуру: необходимые и достаточные условия, причинно-следственные связи, взаимодействие изучаемой системы со средой и т. п. Такое единство исторического и логического уже помогает обосновать определенный класс контрфактических суждений. Если, например, доказано, что некий фактор был необходимым условием изучаемого события, то последнее не произошло бы в его отсутствие. Данное умозаключение безупречно с формальной точки зрения, даже если в рамках выбранной базовой онтологии оно не имеет практического значения. Далее, современная математическая логика иногда оперирует понятием «возможных миров», стремясь придать строгий смысл своим базовым модальностям. То есть, утверждается, что возможное истинно (имеет место) в некоторых возможных мирах, необходимое – во всех [12].

Кроме того, нельзя забывать и о методологических и содержательных связях анализа и прогнозирования. Научное предвидение будущего предполагает выстраивание нескольких альтернативных сценариев со своими внутренними закономерностями и вероятностями реализации. Когда будущее наступает, несбывшиеся варианты событий должны до известной степени сохранять свое познавательное зна-

чение, утратив чисто прикладное. Футурологические сценарии составляются по определенной процедуре, соблюдение которой служит гарантией их корректности. Если потом они не сбываются, это не отменяет их принадлежности к сфере научного познания. Таким образом, хотя наступившая реальность изгоняет их из области онтологии, они продолжают функционировать в определенном гносеологическом статусе, который может стать предметом отдельного исследования. Более кратко: если будущее вариативно онтологически, то прошлое – хотя бы гносеологически. При этом даже откровенно ошибочные прогнозы сообщают исследователю какую-то истину о той конкретно-исторической ситуации, в которой они были высказаны.

Наконец, существуют различные истолкования современной физической картины мира. Многомировая модель Эверетта допускает ветвления исторического времени, которые исключаются в рамках копенгагенской парадигмы. Идея мультивселенной получила распространение в современной космологии [13, с. 96-99], в художественной литературе («Сад расходящихся тропок» Х. Л. Борхеса) и философии истории (у С. Б. Переслегина).

Теории последней группы особенно интересны, поскольку они выводят контрафактические суждения из сферы (пусть и полезных) мысленных экспериментов и вплетают их в ткань реальной жизни. Для достижения данной цели так или иначе используются квантовые представления о роли наблюдателя (шире – сознания) в физической Вселенной. В пределе такой подход может привести к буддийской концепции психокосма, однако его смягченные варианты неплохо коррелируют с материалистическим истолкованием научного познания.

Выводы, неизбежно следующие из соотношения неопределенностей Гейзенберга и принципа суперпозиции состояний в интерпретации Шредингера, не позволили копенгагенской версии квантовой механики утвердиться в качестве безальтернативной. Дж. А. Уилер полагал, что сознание – это космологическая сила, во многом определяющая пространственное и временное развертывание структуры мироздания, ее фундаментальные свойства. Его знаменитый эксперимент с отложенным выбором заставляет заключить, что идеальное может влиять на физические процессы, включая уже завершившиеся и еще не начавшиеся [14, с. 25]. Именно на таких идеях основаны квантовые мотивы в современных гуманитарных науках.

В данной связи С. Б. Переслегин отмечает: «Для вероятностного подхода существующая «однозначная история» играет ту же роль, что классическая траектория частицы в квантовой механике: она описывает совокупность наиболее вероятных событий. Однако делать какие-либо выводы из изучения только этой совокупности нельзя. Для того чтобы выделить реальные, а не случайные закономерности исторического процесса, необходимо принять во внимание другие (а в идеале – все) возможные «альтернативные истории» [2, с. 52]. Данные рассуждения заставляют вспомнить вероятностное видение мира В. В. Налимова, призванное обосно-

вать «реальность нереального» [15, с. 16-27]. С идеями последнего С. Б. Пересленин, несомненно, знаком [3, с. 361].

С изложенными соображениями можно связать и замкнутые времяподобные кривые К. Гёделя [16], которые в рамках предложенной темы можно интерпретировать двояко: как обоснование циклического времени или альтернативной истории. Если Вселенная точно повторяет какое-то свое прошлое состояние и нет находящегося за ее пределами наблюдателя («особого архангела, который вел бы счет» [4, с. 345]), способного это отметить, то допустимы обе интерпретации гёделевской идеи, которая помогает вписать путешествия во времени в современную физическую картину мира.

Художественное исследование данной проблематики предпринял Х. Л. Борхес. «Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отметая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся» [5, с. 142-143]. Интересно, что интерпретаторы данного пассажа охотно обращаются к многомировой теории. Она, по сути, утверждает, что все возможное действительно, хотя и необязательно в нашей версии реальности. Любой физический процесс, способный при данных начальных условиях протекать по-разному, развертывается всеми возможными способами на параллельных временных линиях [14, с. 27].

Здесь излюбленный фантастический прием смыкается с фундаментальными физическими теориями. Интересно сравнить с этим понятие алеаторного в постмодернизме. Согласно Ж. Бодрийяру, алеаторная вселенная характеризуется не только господством хаоса и случайности, но и принципиальной недоступностью для однозначных интерпретаций [17, с. 34-36]. Данная концепция является, по сути, радикализацией индетерминистских подходов в современной физике. Очевидно, что такое заострение идеи квантовой неопределенности не является необходимым для обоснования вариативности прошлого.

Интересную психологическую интерпретацию заявленной темы дал А. С. Грин: «Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня» [6, с. 126].

Для полноты классификации следует упомянуть и теологические истолкования вопроса. По мнению Петра Дамиани [7, с. 388-391] и Льва Шестова [8, с. 179], власть Бога над творением включает и способность менять прошлое, делать бывшее небывшим. Менее радикальная теория «среднего знания» иезуита Л. де Моли-

ны рассматривает божественное всеведение в том числе и как основу истинных контрафактических суждений [9]. Идея неоднозначности мирового процесса достаточно широко представлена в буддизме. Так, мадхьямаку можно рассматривать как философию «открытого мира», «магической вселенной», в которой нет непреложных законов и вечных истин, в которой возможно все [10, с. 136-138]. Парадоксальным образом, здесь несомнена только сама неопределенность: «Отсутствие своеобытия и есть свое событие всех дхарм» [10, с. 136]. Впрочем, согласно мадхьямаке, любая попытка рационально осмыслить (или даже просто словесно описать) принципиально несемиотичную подлинную реальность заранее обречена. Связь данных идей с постмодернистской категорией алеаторного может послужить темой отдельного исследования.

Альтернативная история нередко подвергалась критике в рамках более традиционных научных подходов. Из относительно недавних работ можно вспомнить весьма обстоятельный и аргументированный анализ Г. Э. Даниленко [18]. Следует полностью признать релевантность таких возражений в контексте выбранной базовой онтологии, однако не исключено, что некоторые несовместимые с ней мировоззренческие посылки могут быть так или иначе интегрированы в научную картину мира.

Таким образом, вопрос о ценности альтернативной истории, по крайней мере, остается открытым. Даже в системе мира Ньютона-Лапласа несбывшееся может оказаться полезным комментарием к фактической последовательности событий, а некоторые другие базовые онтологии иначе трактуют природу контрафактических суждений и приписывают им более высокий статус. Не исключено, что углубленное рассмотрение данных вопросов поможет прояснить логическую структуру современного гуманитарного знания. Неизменность прошлого и линейное понимание времени – это, строго говоря, две разные идеи, однако даже безоговорочное признание и того, и другого еще не предопределяет мировоззрение конкретной научной школы. Уже традиционная историография таит в себе возможность принципиально различных картин мира, причем ее альтернативы помогают структурировать данное многообразие, позволяя увидеть его извне.

Далее, современная эпоха отмечена углубляющимся синтезом достижений разных наук, который в большой степени обеспечивается философскими дисциплинами наподобие логики, этики и онтологии, своеобразно аккумулирующими различные виды и формы знания. История также не может оставаться в стороне от данного тренда. Наконец, сегодня гуманитарные науки продолжают сталкиваться с теневыми сторонами методологического плюрализма, сторонники которого нередко подменяли сущностную характеристику предмета его второстепенными или просто случайными определениями. Альтернативная история может послужить тем зеркалом, в котором традиционная наука увидит пути к творческому преодолению постмодернистского «разложения основ».

Список литературы

1. Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
2. Переслегин С. Б. «Пестрая лента» в гильбертовом пространстве // Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция. – М.: ACT: ACT Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 45-61.
3. Переслегин С. Б. Дружба мушкетеров при живых королях // Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция. – М.: ACT: ACT МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 361-381.
4. Борхес Х. Л. Учение о циклах // Собрание сочинений в 4 т. 2-е изд., стер. – Т. 1. – С. 335-346.
5. Борхес Х. Л. Сад расходящихся тропок // Собрание сочинений в 4 т. 2-е изд., стер. – Т. 2. – С. 135-145.
6. Грин А. С. Бегущая по волнам // Избранные произведения в двух томах. – Т. 2. – Симферополь: Таврия, 1976. – С. 125-297.
7. Дамиани Петр. О божественном всемогуществе // Сочинения Ансельма Кентерберийского. – М.: Канон, 1995. – С. 356-394.
8. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия. – М.: Прогресс – Гнозис, 1992. – 302 с.
9. Laing J. D. Middle Knowledge // Internet Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iep.utm.edu/middlekn/> (дата обращения: 12.03.2024).
10. Торчинов Е. А. Введение в буддизм // Азбука-классика. Non-Fiction. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 352 с.
11. Ютанов Н. Ю. Агентство перспективных фантастических исследовательских проектов // Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция / С. Б. Переслегин. – М.: ACT: ACT Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 5-6.
12. Menzel C. Possible Worlds // Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/possible-worlds/> (дата обращения: 17.03.2024).
13. Риз М. Дж. Жизнь в других вселенных и в нашей: космологическая перспектива // Много миров. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст. – М.: ACT: Астрель, 2007. – С. 79-100.
14. Merrell F. Science and mathematics in a literary mode // The Cambridge Companion to Jorge Luis Borges / Ed. by E. Williamson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – P. 16-28.
15. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. – М.: МИР ИДЕЙ: АО АКРОН, 1995. – 432 с.
16. Hunter J. Time Travel // Internet Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iep.utm.edu/timetrav/> (дата обращения: 19.03.2024).
17. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту // Академический бестселлер. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
18. Даниленко Г. Э. Контрафактическая альтернативистика в истории: критический анализ // Культура и цивилизация. – 2016. – № 1 (3). – С. 41-46.

УДК 101.2

А. В. Гижа

(к. филос. н., доцент)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая народная республика, РФ)

E-mail: 19andry06@mail.ru

КАК ТЕРЯЕТСЯ НАУЧНАЯ ОСНОВА ФИЛОСОФИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЕЕ ВНЕИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются примеры формально свободного теоретизирования в отечественной социально-философской мысли начала XXI века. Итогом является проблематизация процесса теоретизации в сфере познания общественной истории.

Ключевые слова: теоретизация, рациональность, критика, догматика, историчность.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

E-mail: 19andry06@mail.ru

HOW THE SCIENTIFIC BASIS OF PHILOSOPHY IS LOST: SOME RESULTS OF ITS EXTRA-IDEOLOGICAL EXISTENCE

Annotation. The article considers examples of formally free theorizing in the Russian socio-philosophical thought of the beginning of the XXI century. The result is the problematization of the process of theorization in the field of knowledge of social history.

Keywords: theorization, rationality, criticism, dogmatics, historicity.

В связи с весьма радикальными изменениями во всех сферах жизни бывшего советского общества на протяжении последних 35-ти лет, начиная с 1989 г., когда окончательно обозначилось действительное направление «перестроечной», а на самом деле контрреволюционной деятельности высшего звена партийной номенклатуры в связке с силовым блоком, комитетом госбезопасности, следовало ожидать существенных сдвигов и в сфере общественного сознания. Для нас в данном случае наибольший интерес представляет философия – по причине даже не столько профессионального внимания, сколько вследствие присущей ей отзывчивости на исторические события. Понятно, что некоего исчерпывающего, целостного и объемного исследования в рамках одной статьи проделать и представить нельзя, но

здесь есть хороший выход – взять такой срез произошедших метаморфоз, который показал бы характерное соединение личностного, морального аспекта и всеобщего, понятийного. В этом случае появилась бы возможность выйти не просто на формальную и абстрактную констатацию, а выразить гегелевский способ интерпретации. Последний, как нередко пишут, заключается в диалектическом методе, но им еще надо овладеть.

Как показала практика советского (и постсоветского) периода истории, нельзя просто усвоить формулировки материалистической диалектики о противоречивости сущего и далее с успехом применять их в анализе интересующей темы. Гегель дает не только сам метод, но обрисовывает специфику его предпосылок, выраженных в новом учении о понятии. Здесь он поистине революционно преодолевает рамки аристотелевской логики, с одновременным сохранением ее в снятом виде. Гегель пишет: «Понятие есть... тотальность, в котором каждый из моментов есть целое, представляя собой понятие, и положен как нераздельное с ним единство...» [1, с. 341]. Таким образом, с диалектической точки зрения, выразить нечто понятийным образом означает дать, во-первых, целостное представление предмета, и, во-вторых, особенность и единичность предмета также должны быть определены в качестве обобщенно-целостных смысловых величин. Так будет достигнута форма конкретного понятия. Итак, попытаемся представить и оценить существенные изменения в рамках отечественной философской традиции. Для этого требуется выразить отдельные и, казалось бы, частно-особенные высказывания в ракурсе их общего и существенного звучания.

Конкретно-историческое осмысление общественных процессов в их целостности возможно на основе научно-философской методологии. Особенностью научного подхода является не только логическая и эмпирическая обоснованность результатов исследований, но и реализация их практического применения. В отношении естественнонаучного знания это вполне очевидно, но для знания социально-исторического ситуация нередко складывается, как кажется стороннему наблюдателю, неоднозначно. Поскольку история движется в формах активной человеческой деятельности, проявляющейся не только в познавательном отношении, но и во всех прочих – экономическом, политическом, культурном и т.д., может возникнуть фактор пересмотра прежних взглядов, учений и мировоззренческих позиций, реализуемый под благовидным предлогом критики.

Сам по себе такой подход, разумеется, не может вызвать возражений. Добро-совестная научная критика, основанная на новых материалах, документах, фактах, выпадающих из поля зрения существующей теории, не может быть отвергнута. Но это справедливо лишь в случае полноценного критического анализа, проводимого непредвзято, без намеренного искажения критикуемой позиции. Выполняется ли это простое требование в условиях нынешнего отвержения советского исторического опыта, которое полностью меняет исторические оценки духовных и матери-

альных достижений советской цивилизации? Достигается ли в предлагаемых новых взглядах действительное развитие социального знания?

Покажем специфику некоторых образчиков теоретизирования в отечественной философии на двух характерных примерах. Бросается в глаза ее упор на преимущественно софистически-демагогический, в конечном счете – неприкрыто идеологический набор способов интерпретации и получения выводов. При этом последние только по видимости получают форму научно-логического анализа.

Так, Лекторский, критикуя Маркса, пишет: «Нужно сказать, что в марксовом понимании деятельности существует один изъян, который сказался и на философских и психологических разработках деятельностной тематики в нашей стране. Дело в том, что исходной и привилегированной формой деятельности считается труд. Такое понимание связано с идеей о взаимоотношении производственной и иных форм деятельности, базиса и надстройки — идеей, которая не выдержала испытания временем. Сегодня труд во все большей мере опосредуется деятельностью в сфере науки, а богатство страны все больше зависит не от деятельности в сфере материального производства, а от производства знаний [2, с. 80-81].

Высказал ли Лекторский в приведенном фрагменте что-либо более адекватное и прогрессивное, нежели Маркс? Нет, и утверждение «изъяна» является поспешным и необоснованным в двух отношениях. Первое, Маркс реализовывал именно свою программу исследования капиталистического общества, с оговоренными, материально данными целевыми условиями и не обязан отвечать за детальные трактовки будущих эпох. Второе, поскольку же Маркс мыслил философски обобщенно, то наряду с его анализом текущего состояния экономико-политических отношений, обязательно возникают и содержательные выходы на те моменты, которые еще недостаточно проявились, или не являются актуальными по какой-то причине, или же не требуют на то время детального разбора, но которые вполне ясно обозначены. Так, Маркс отмечает, что «...следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» [3, с. 116]. Эта, и многие другие выдержки из работ Маркса показывают широту и основательность его трактовок категории труда, отнюдь не сводящихся к какой-то одной его форме. Лекторский, надо сказать, в своей антимарксистской формулировке не высказал ровным счетом ничего по причине ее крайней абстрактности.

Таким образом, приведенный пример теоретического подхода, сводящийся, в основном, не к понятийным разысканиям, а к карикатурно-вульгарному представлению той или иной концепции, является негативным теоретизированием, обусловленным, возможно, идеологическим поветрием, но не задачами действитель-

ного познания. Изъян, столь поспешно приписанный К. Марксу, высказан в духе текущего невнятного сочинительства на темы отсутствующей идеологии и национальной идеи, для чего обязательной ремаркой идет вульгарный антикоммунизм. Изъян оказывается не у К. Маркса, а у господина Лекторского.

Лекторский рассматривает, соответственно непременной установке антисоветизма, и состояние советского общества, показывая его просто образцово тоталитарным со всеми либеральными описаниями ужасов: «...тоталитарная система в Советском Союзе создала целую систему отчуждения, и прежде всего отчуждение от человека огромной репрессивной государственной машины (между прочим, в дискуссиях о проблемах гуманизма и отчуждения, которые стали распространеными в нашей философии в 60-е и 70-е гг., нельзя было даже затрагивать тему отчуждения в нашей стране, ибо априори считалось ясным, что никакого отчуждения при социализме нет и быть не может)» [2, с. 13]. Но тут дело обстоит так: если есть что сказать, то философ обязан это делать, тем более находясь, как Лекторский, на весьма высоких руководящих постах. Э.В. Ильенков, например, высказывался на тему отчуждения в СССР. Если же Лекторский разделяет мифы хрущевской «оттепели» и это единственное, что он может высказать по данной тематике, то действительно лучше промолчать, поскольку грамотные историки эту мифологию давно опровергли (Ю. Жуков, Е. Спицын), и не пристало столь маститому ученому распространять и поддерживать своим авторитетом диссидентские настроения времен своей молодости, инспирированные службами внешней разведки враждебных государств.

Еще пример того, как «философствуют молотом» – но не в ницшевском смысле достижения твердости созидания, а наоборот, – как разбивают скрижали духа, располагая на их месте некачественные продукты буржуазной ревизионистской мысли. Кратко рассмотрим опус Т.И. Ойзермана «Оправдание ревизионизма» [4].

Теодор Ойзерман начинает развенчание марксистской традиции прямо в Предисловии, непосредственно с К. Маркса. На первой же странице он начинает обелять сам термин «ревизионизм», дескать, проводить ревизию существующих взглядов есть нормальный процесс познания. Здесь начинается чистая софистика, которой и дальше будет наполнено это произведение. За поддержкой он обращается к новейшей физике: «Разве теория относительности и квантовая физика не являются основательной ревизией принципов классической механики и всей физики XVII-XIX веков?» [4, с. 7].

Отвечаем Ойзерману: нет, совершенно не является никакой ревизией релятивистская физика по отношению к физике классической. Она является обоснованным логическим расширением последней с указанием меры, где ньютоновские представления сохраняют свою истинность. Не надо путать (уверен, это делается сознательно) политico-идеологический термин «ревизионизм», выражющий классовые интересы самого ревизиониста, и нормальную практику научной критики.

Далее, видимо для облегчения проведения своего ревизионистского настроя, Ойзерман берёт в помощники Г. Адлера и приводит ряд его возражений против теории К. Маркса, солидаризуется с ними, а потом заявляет: «Я столь подробно остановился на изложении критических замечаний Г. Адлера, чтобы показать, что уже через 20 лет после опубликования первого тома «Капитала» Маркса некоторые, весьма серьезные заблуждения этого гениального мыслителя стали видны и такому ученому весьма среднего уровня, каким был Адлер» [4, с. 13].

Но эдак можно «доказать» что угодно ссылкой на учёных «средней руки». Например, есть у кого-то соображение, что мозг выделяет мысль подобно тому, как печень выделяет желчь. Как это обосновать? Совершенно несложно, стоит только привести аналогичное представление Бюхнера, Фогта и Молешотта, и добавить, что-де даже этим средним ученым сие понятно. Но такие логические выверты суть чистая и негодная софистика.

Ойзерман крайне удивляется, что Ф. Энгельс, назвав Г. Адлера «жалким ренегатом» [5, с. 8], предложил эту книгу не замечать. И вопрошают, совершенно в абстрактно-интеллигентском духе: «Замалчивание критики весьма существенных положений марксизма отнюдь не является лучшим ответом на неё. Да и можно ли вообще замолчать критику марксизма?» [4, с. 13]. Он не хочет видеть, что Ф. Энгельс в этом же абзаце объясняет своё отношение к писанию Адлера: «...это просто непристойный и нелепый памфlet, которым автор хочет привлечь внимание – внимание правительства и буржуазии к своей важной особе» [5, с. 8]. И далее: «И в самом деле, теперь всякий мелкий, ничтожный субъект, желая создать себе рекламу, нападает на нашего автора» [5, с. 8]. Не о критике марксизма у Адлера, таким образом, идёт речь, а о нелепом памфлете, серьёзно отвечать на который было бы смешно.

По ходу изложения апологии ревизионизма Ойзерман объясняет своё прежнее (в советское время) кредо, которое было вполне в русле марксизма-ленинизма: «Это рассуждение Ленина (характеристика ревизионизма Бернштейна – А.Г.) не может не вызвать недоумения у вдумчивого читателя, если он, конечно, не ослеплён большевистской пропагандой, как были, увы, ослеплены мы (к себе это я отношу отнюдь не в последнюю очередь)» [4, с. 15]. Эдакая куриная слепота длиной в 50 лет (1941 – год защиты кандидатской диссертации – 1991 гг.), при том, что на войне он был инструктором политотдела фронта, а в 1962-1966 гг. – профессором Высшей партийной школы при ЦК КПСС. За работы по философии марксизма был лауреатом Ломоносовской и Государственной премий. Так кто кого ослеплял?

После адлеровского памфleta (серьезной критики приведено не было, никаких аргументов по существу не выставлено) Ойзерман переходит к Ленину, с упением выискивая у него формальные логические нестыковки, и уличая в непоследовательности. Вместо диалектики исторического процесса Ойзерман хочет иметь формально-непротиворечивую, согласованную в деталях систему неизменных представлений. Но такая догматика присуща именно «критикам» марксизма. Зани-

маться разбором каждого такого «аргумента» дело лишнее, тут надо последовать за Ф. Энгельсом и отнести всё это сочинительство как рецидив типично буржуазной идеологии.

Вот пример глубины анализа состояния дел в соревновании двух систем XX в.: «Уже в середине прошлого века капиталистическое общество вступило в эпоху научно-технической революции, которая, с одной стороны, практически доказала жизнеспособность капиталистического способа производства, а с другой – вполне выявила внутренне присущую "реальному социализму" экономическую несостоятельность» [4, с. 23]. Каким образом «вполне выявила» остаётся неизвестным. Это либерально-агитационный текст пропагандиста-антисоветчика, но никак не философа.

Введение Ойзерман озаглавливает «Марксизм и догматизм», сразу обозначая направленность своей ревизионистской критики. Первый раздел звучит так: «Догматизм, внутренне присущий учению Маркса и Энгельса». В чём же, по мнению философа-академика, он заключается? Первая догма: «...идея неизбежности социалистического переустройства капиталистического общества была не чем иным, как догматическим убеждением, верованием, которое Маркс и Энгельс разделяли вместе со своими предшественниками-утопистами» [4, с. 31]. Ойзерман желает получить абсолютно точное, математически выверенное доказательство неизбежности социализма, а его отсутствие трактуется им как догматическое верование. Однако, даже в физике, уже на ранних этапах её формирования, Х. Гюйгенсом было высказано положение, что «В физике не бывает точных доказательств...» (цит. по [6]), что никак не отменяет истинности открываемых ею законов природы.

Следующая «догма» касается способа перехода к социализму и тезиса «Манифеста», что «капиталистические производственные отношения отжили свой век, превратились в оковы для развития производительных сил...» [4, с. 35]. Эти положения могут быть дискуссионно обсуждаемы, но для этого надо реально предложить и хорошо обосновать альтернативу одному и другому. Пока этого нет, все упрёки повисают в безосновности.

Завершим краткий обзор специфики этого ревизионистского поветрия примечательным пассажем, который просто затруднительно как-то разумно комментировать: «Меринг умер в 1919 г. Если бы он прожил ещё 19-20 лет, он мог бы убедиться, что социал-демократы Германии и других западноевропейских стран идут от успеха к успеху, следя по пути, который в значительной мере был проложен «ревизионистом» Э. Бернштейном» [4, с. 43-44]. Если бы Меринг был жив в 1938-1939 гг., он увидел бы, что его партия находится на нелегальном положении, в стране полноправно господствует нацистская идеология, а мир находится в преддверии мировой войны. Противостоит же этому безумию и в дальнейшем победит его именно то общество, которое было построено на ревизуемых нынче основаниях.

Таким образом, ни Лекторский, ни Ойзерман, несмотря на свои весьма высокие должности, позволившие им во многом определять направление развития фи-

лософии в СССР, как только была реставрирована эпоха буржуазных отношений, не продемонстрировали ни научности подхода в анализе темы марксизма и ревизионизма, ни даже просто понимания специфики мышления. Первый ограничился сузубо абстрактным и бессодержательным упреком Марксу, забыв о конкретности истины, второй также остался на уровне пустых абстракций, сформировав очередной вариант схоластической демагогии. А ссылка на Меринга вообще демонстрирует крайнюю степень прямой фальсификации истории со стороны Ойзермана.

Нет таких измышлений и подтасовок, на которые бы не пошли антисоветчики, в том числе и в лице профессоров и академиков философии в своих попытках дискредитации научного марксизма. Критика такого рода раз за разом оказывается вульгарной и крайне примитивной, что, впрочем, нимало не смущает ее адептов. Так, личностные особенности морального уровня становятся понятийно обобщенной величиной, позволяя легко отказаться от всего багажа наработанного в период социализма знания. Это наглядно иллюстрирует гегелевскую трактовку конкретного понятия как «... то, что свободно как сущая для себя субстанциальная мощь...» [1, с. 341]. Только надо учесть совершенно мнимый характер этой мощи, когда дело касается рассмотренных примеров критики. Свобода критики есть, а содержательность ее осталась невыполненной.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук в 3-х т., т. 1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
2. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. III т. // Соч. Т. 25. Ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 545 с.
4. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма — М.: Канон+, РОО И «Реабилитация», 2005. — 688 с.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург // Соч., Т. 37. - М.: Издательство политической литературы, 1965. – С. 6-8.
6. Кокс А., Полак П. Христиан Гюйгенс - один из крупнейших ученых Голландии // Природа. № 12, 1979 г. URL: https://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/PAPERS/NATURE/HUY/HUY_1.HTM

П о л и т и ч е с к и е науки

УДК 130.2

Каролус Виммер

(доктор политических наук)

Венесуэльский центр марксистских исследований

«Сальвадор де ла Плаза»,

Центральный университет Венесуэлы

(г. Каракас, Венесуэла)

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПОРАЖЕНИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ И ЛЕВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются возможные причины поражений прогрессивных социал-демократических правительств в условиях капиталистического кризиса и классовой борьбы XXI века в Латинской Америке.

Ключевые слова: классовая борьба, буржуазия, прогрессивные силы, левые, бонапартизм, империализм, США, Латинская Америка.

Carolus Wimmer

(Doctor of Political Science)

Venezuelan Center for Marxist Studies “Salvador de la Plaza”

Central University of Venezuela

(Caracas, Venezuela)

CAPITALIST CRISIS AND THE DEFEATS OF PROGRESSIVE AND LEFT-WING GOVERNMENTS IN LATIN AMERICA

Annotation. The article examines the possible causes of the defeats of progressive social democratic governments in the context of the capitalist crisis and the class struggles of the 21st century in Latin America.

Key words: class struggle, bourgeoisie, progressive, left-wing, Bonapartism, imperialismo, United States, Latin America

*«Недостаточно сопротивляться и осуждать,
мы должны признать и исправить
свои собственные ошибки»*

[1, с. 7]

*«Марксизм все ещё существует, стоит твёрдо
и постоянно дополняется и развивается
подлинными марксистами» [2]*

Известно, что одно дело – доступ к правительству, а другое – совсем другое, гораздо более трудное – завоевание государственной власти. Это – целая сеть общественных сил правящих капиталистических классов в различных её выражениях: в экономике, политике, прессе, вооруженных силах, судебных учреждениях, самоуправлениях, церкви и т. д. Это то, что в североамериканской политологии авторы, такие как Питер Дейл Скотт, называют «глубинным государством» [3], правительством в тени, избранным никем, не ответственным ни перед кем, не подотчетным никому и формулирующим самые могущественные интересы общества. Достижение уровня правительства – хороший шаг вперед, но если оно не будет дополнено подавляющей динамикой улицы, то есть организацией и политической мобилизацией народных классов и слоев и их сознательностью, то очень мало что сможет сделать прогрессивное или левое правительство.

Нейтрализация, экспроприация и ликвидация этих недемократических источников политической власти необходимы для того, чтобы гарантировать будущее любой реформы и многое другое любой революции. Пожалуй, одной из наиболее характерных черт нынешней ситуации в таких странах, как Аргентина, Перу и Уругвай, является тот факт, что реальная власть и ее правые агенты завоевали правительство, обратив вспять незаконченный процесс, с помощью которого пришедшие в правительство левые силы провалили свои планы по завоеванию власти. Ничего из этого не ново. Макиавелли уже говорил об этом очень ясно, когда наблюдал, что величие Римской республики покоятся на балансе между сенатом (то есть знатью) и трибуном плебса, то есть народа. В современных условиях мы бы говорили об адекватном балансе между институтами государства и улицы. [4]

Эта статья предлагает тем, кто интересуется историей опыта достижений и рефлюксов в народной борьбе, политическую карту Латинской Америки в начале 21-го века, первым крупным избирательным и институциональным следом которой был триумф Уго Чавеса на президентских выборах в Венесуэле в 1998 году. Эта победа открыла возможность выборов, а в ряде стран и возможность непрерывных перевыборов левых (в основном немарксистских) и других прогрессивных правительств (в основном социал-демократических), что стало беспрецедентным процессом в регионе, где народные силы, которым на предыдущих этапах удалось занять исполнительную власть в государстве, были свергнуты, как это случилось с прави-

тельствами Якобо Арбенса в Гватемале (1954), Хуана Бош в Доминиканской Республике (1965) и Сальвадора Альянде в Чили (1973).

«В последнее время в нашей Америке произошло многое вещей, которые вызвали ужас у тех, кто чувствовал себя уверенно в настоящем и, прежде всего, в будущем. Эта безопасность пошатнулась. Еще раз жизнь напоминает нам, что процессы социальных изменений обычно происходят в регионах с очень высокой социальной, политической, экономической и исторической сейсмичностью. Что они произойдут, если они произойдут, что они займут столько времени, сколько возьмут, но что нет никакой гарантии» [5, с. 133].

Процессы социальных изменений, возглавляемые левыми и прогрессивными силами в Латинской Америке, прошли через две фазы накопления и три фазы рефлюкса.

Фазы накопления:

- 1985-1998 годы: от ликвидации диктатуры в Бразилии и Уругвае до первых президентских выборов Уго Чавеса в Венесуэле политические силы накопили достаточно социальной силы, чтобы свергнуть неолиберальные правительства, и достаточно политической силы, чтобы занять места в местных органах власти и национальных законодательных органах, но недостаточно для победы в национальном правительстве;
- 1998-2009: от первых президентских выборов Чавеса до выборов Мориса Фунеса в Сальвадоре они накопили достаточно социальной и политической силы, чтобы избрать, а в некоторых странах переизбрать, национальные правительства.

Фазы рефлюкса:

- 2009-2012 годы: электоральное ослабление на всём континенте и перевороты «нового типа» в самых слабых звеньях цепочки: Гондурасе и Парагвае;
- 2013-2014 годы: неудачи на выборах, сопровождавшиеся большей эффективностью империалистической дестабилизирующей стратегии, которая свела к минимуму перевес голосов, с которым левые сохранили правительство в Венесуэле и Сальвадоре;
- 2015-2019: поражения достигли «самых сильных звеньев в цепочке»: Аргентина (поражение на выборах 2015), Бразилия (парламентско-судебный государственный переворот, 2016), Эквадор (внутреннее предательство, 2017), Сальвадор (поражение на выборах, 2019), Боливия (государственный переворот, 2019), Уругвай (поражение на выборах 2019 – после 15-ти лет в правительстве) [6, с. 9].

За этими поражениями следует криминализация, преследование и заключение в тюрьму высших руководителей и части руководства второго уровня прогрессивных сил, вытесненных из правительства.

Все эти события в Латинской Америке носят печать империализма США и Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Каковы причины, по которым Соединенные Штаты должны будут обратить большую концентрацию внимания в сторону Латинской Америки вскоре после второго десятилетия 21-го века? Оч-

видно, что их несколько. Конкретная реальность, по мнению Маркса, является результатом множественных определений. Существуют политические и геополитические причины исторического характера и другие факторы, связанные с характером нынешнего спора в его глобальном и континентальном измерении.

С исторической точки зрения, Латинская Америка всегда была «на глазах» у США. Эта страна рано вмешалась в борьбу за независимость в XIX веке, осуществив доктрину Монро (1823) «Америка для американцев», которая имела решающее значение для прекращения попыток колониального отвоевания «Святым альянсом», равно как и то, что в 1826 году интеграционная мечта Боливара потерпела неудачу. Более того, это предотвратило венец либертианских поступков Пуэрто-Рико и Кубы, которые Монро считал «естественным расширением» территории США. «История Латинской Америки – это история американских интервенций. Существует обширная библиография, которая поддерживает этот тезис. И эти вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран получили поддержку местных правящих классов, и их глубина зависела от уровней сопротивления народов через различные формы борьбы» [7, с. 61].

С нынешней глобальной геополитической точки зрения восстановление контроля над Латинской Америкой имеет важное значение для Соединенных Штатов, чей гегемонистский упадок ставит её в трудное положение на планете. Но это также верно и для капитала, потому что капиталистической производственной системе нужна территория, в пределах которой можно создать единообразные и стабильные условия для оценки стоимости капитала, и политическая сила, способная защитить эту оценку. То есть нынешний спор в регионе идёт между эмансинацией и доминированием.

Империалистическое предложение представляет собой беспрецедентное со времен холодной войны ужесточение неоконсервативного фундаментализма, а также более активное участие Пентагона, который ведет себя как еще одна фактическая сила в глобальной конфронтации за ресурсы, территории и умы. Мы являемся свидетелями прогрессирующей милитаризации глобального сценария. Хотя торговая война против Китая развивается в настоящее время в области торговли и технологий, она может обостриться и вполне вероятно, что между странами или внутри стран откроются фронты, которые, будучи продиктованы интересами держав, сочтут, что им остаётся только один вариант – противостоять друг другу.

Североамериканская внешняя политика – это не причина, это скорее следствие, проявление кризиса капиталистической системы, и в то же время это доказательство того, что они готовы сделать для защиты своей системы. Это сценарий прямо из кошмара или задуманный в канализации неолиберализма в состоянии паники.

«В этой борьбе за лучший мир прогрессивные и левые правительства на данный момент проиграли битву средств массовой информации и битву идей. Они не смогли развить битву культуры из-за отсутствия последовательной политики и от-

существия самокритики» [8, с. 197]. Первый шаг состоит в умении ценить культуру во всем ее идеологическом влиянии и понимать ее ценность как инструмента трансформации общества (Грамши). Во-вторых, для разработки передовой стратегии средств массовой информации необходимо было признать, что они оказались в ловушке устаревших концепций и что, несмотря на все доказательства, они отказались признать, что они неэффективны.

На избирательной арене прогрессивные и левые правительства соглашались играть в игру буржуазной демократии с правилами классового врага, а когда начинали выигрывать выборы, враг решал их не уважать, или использовать обманным путём для дисквалификации кандидатов, обвинять их без доказательств, преследовать их и в некоторых случаях сажать в тюрьму.

Отношения между правительством/партией и гражданским обществом были искажены до такой степени, что партии перестали быть школами политической культуры, интеллектуального лидерства, где интересы классов выражают партии, партии создают... лидеров гражданского общества и политического общества. Не может быть создания лидеров там, где отсутствует теоретическая и доктринальная деятельность сторон, где отсутствуют систематические исследования и исследования причин существования и развития представленного класса [9, с. 387].

Данные из результатов голосования и данные о поведении широких слоев общества указывают на то, что баланс прогрессивных правительств в Латинской Америке является отрицательным. Баланс – ультраправые лидеры Болсонаро в Бразилии, Макри и Милеи в Аргентине, это – Венесуэла в многогранном кризисе, это – Никарагуа ведет переговоры на краю пропасти, это – Сальвадор, где более миллиона сальвадорцев отвернулись от ФНОФМ на президентских выборах, где персонаж, выходец из своих собственных рядов, побеждает его самым высоким процентом голосов в истории этой нации.

Коррупция стала одним из орудий нападения империализма и извращенного использования законности. Они прибегают к обвинениям, которые не нужно доказывать перед судьями, потому что ранее было проведено разбирательство в СМИ, которое требует не доказательств, а скорее опьянения умов. Коррупция, присущая капитализму, становится бедствием прогрессивных правительств и их членов в неолиберальном дискурсе и, несмотря на то, что десятки дел связаны с правым крылом и его партийными представителями, они всегда свободны от вины.

Типичным явлением, от которого не спасаются и прогрессивные правительства 21 века в нескольких латиноамериканских странах, является наличие «каудильо» (лидера), как правило, справа, но сегодня также и слева. Мы считаем, что он бонапартист нового типа.

Концептуально к термину *бонапартизм* можно подойти двумя способами: как к конкретному моменту во французской истории, соответствующему правительству Луи Бонапарта, особенно со временем переворота 2 декабря 1851 года, или как к понятию в рамках марксистской теории капиталистического государства.

Для наших целей в этой статье мы опираемся на труды Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год» (1850), «18-е брюмера Луи Бонапарта» (1852) и «Гражданская война во Франции» (Часть третья, 1871) [10]. Маркс описал в этих текстах политическую историю того момента, анализ которого позволил ему развить проблемные понятия капиталистического государства.

«Какие характеристики капиталистического государства включены в термин *бонапартизм*? Несколько, но ни одна из них сама по себе не является достаточной для объяснения. Он в основном указывает на политическое руководство, которое хочет позиционировать себя равноудаленным от классовой борьбы или стоящим выше классовой борьбы, что на языке времени выступает как баланс между пролетариатом и буржуазией. Бонапартистское правительство провозглашает защиту устремлений всех классов, хотя в целом оно в конечном итоге защищает материальные интересы буржуазии и даже приглашает её к разделению сферы власти» [11, с. 200].

Маркс утверждает, что бонапартизм появляется с того момента, когда буржуазия потеряла, а рабочий класс еще не приобрел власть управлять нацией. Бонапартизм затем решает проблему взаимоотношений между государством и политической классовой борьбой.

Бонапартистское государство прежде всего является формой капиталистического государства, и в этом смысле его главная функция заключается в том, чтобы гарантировать существование, развитие и гегемонию капиталистического способа производства в обществе. Антонио Грамши в итальянском контексте обозначает бонапартизм своим древним термином цезаризм.

Государство прибегает к бонапартизму в моменты экономического кризиса и подъёма классовой борьбы, как это происходит в настоящее время в латиноамериканском регионе, где сверху навязывается примирение или равновесие не только между буржуазией и пролетариатом, но и между различными конфликтующими внутри буржуазии секторами. Сегодня мы находимся в Латинской Америке, сталкиваясь с проблемой тотальной культурной войны, которая должна быть направлена на завоевание власти и установление процесса революционных изменений социалистического перехода. Чтобы вести эту войну, необходимо построить большой Фронт национального и социального освобождения. Фронт, который, в том числе, есть развитие честного диалога между разными идентичностями, диалога для борьбы, для накопления революционных сил.

Для этого необходимо наметить стратегию, которая оставляет позади оборонительный характер и переходит в наступление. Невозможно предложить победить правое крыло, навязав ему своего рода «демократический баланс, чередования», что всегда будет иллюзорным, потому что это вновь настроенное правое крыло движется вперед – к тотальной власти, поэтому предлагаем перейти в наступление, атаковать его на всех флангах, остановить его и победить его там, где оно устоялось или только продвигается с растущим маршем популярного лагеря [12].

Это заключается не в провозглашении себя революционерами, а в создании областей, пространств, очагов воинственного разрыва по отношению к системе. В этом плане представляется целесообразным принять во внимание и выделить некоторые уроки для обсуждения, которые может предложить нам анализ опыта прогрессивных или левых правительств в Латинской Америке:

1. любая реформа, какой бы умеренной она ни была, неизбежно откроет ад контрреволюции;
2. нет такого понятия, как лояльная оппозиция (!);
3. каждый процесс постановки под сомнение капитализма на национальном уровне развязывает международную реакцию;
4. существование революционной партии имеет важное значение для успеха всего процесса;
5. образование и политическая осведомленность являются необходимым условием успеха любого реформистского или революционного проекта;
6. необходимо обращать пристальное внимание на опасность бюрократии;
7. Доступ к правительству – это одно. И совершенно другое, гораздо более трудное – это завоевание государственной власти [13].

Мы понимаем, что эти вопросы, наряду с вопросами, поднятыми ранее в документе, имеют существенно важное значение для обсуждения вопроса о том, как преодолеть кризис альтернатив, который мы переживаем в латиноамериканском регионе. Для этого единство и построение альянсов, которые должны продвигать левые, не могут быть приняты инструментально, а скорее представляют собой решающий столп революционной борьбы.

Список литературы

1. (The progressive cycle in Latin America), Regalado, Roberto: *A modo de introducción. El ciclo progresista en América Latina*, Ciudad de México, 2019, p.7
2. Nguyen Xuan Thang: *Keynote address at the International Workshop "The Heritage of Karl Marx's Ideology and its Epochal Significance,"* Hanoi, May 2018.
3. Scott, Peter Dale: *The American Deep State: Wall Street, Big Oil, and the Attack on U.S. Democracy*, <https://www.amazon.com/American-Deep-State-Democracy-Library/dp/1442214244>
4. McCormick, John: Plebeian offices in Machiavelli's "perfect" constitution, *International Journal of Constitutional Law*, Volume 8, Issue 2, April 2010, Pages 237–262, <https://doi.org/10.1093/icon/mq006>
5. Muriente, Julio: *Puerto Rico y Nuestra América*, op.cit., p.133
6. Regalado, Roberto: *El ciclo progresista en América Latina*, Ciudad de México, p.8
7. Moldiz, Hugo: ¿Qué nuevas estrategias y tácticas formulará la izquierda para derrotar la contraofensiva imperial? , op.cit., p. 61
8. Martínez, Daniel: *El gobierno de Lopez Obrador llega cuando el ciclo progresista termina*, ob.cit., pp.197

9. Gramsci, Antonio: *Cuadernos de la cárcel*, Edición crítica de Valentino Gerratana, p.387
10. Marx y Engels, Obras escogidas de Marx y Engels, Editorial Progreso
11. Martínez, Daniel: *El gobierno de Lopez Obrador llega cuando el ciclo progresista termina*, ob.cit., pp.200
12. Katz, Claudio: *The dilemmas of the left in Latin America*, Ediciones Luxemburg, Buenos Aires, 2008, pp. 31-38.
13. (Russian Revolution, Achievements, Defeats and Faces. Some lessons for Latin America) Borán, Atilio: *Revolución Rusa, logros, derrotas y fracaso. Algunas lecciones para América Latina*, Cuadernos Marxistas N°13, Buenos Aires, noviembre de 2017, <https://www.telesurtv.net/bloggers/La-Revolucion-Rusa-Logros-derrotas-fracasos.-Algunas-lecciones-para-America-Latina-20171115-0007.html>

УДК 94(430)

Ренате Коппе

(доктор исторических наук)

Международный отдел Германской компартии,
газета «Unsere Zeit»
(г. Бонн, Федеративная Республика Германии)

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается разрушение исторической памяти как политическое оружие империализма в ФРГ с целью фальсификации понятия и практики антифашизма в свою пользу.

Ключевые слова: антифашизм, история, политика, ФРГ.

R. Koppe

(Doctor of Historical Sciences)

International Department of the German CP,
newspaper «Unsere Zeit»
(Bonn, Federal Republic of Germany)

"HISTORICAL MEMORY" AS A TOOL FALSIFICATIONS OF HISTORY

Annotation: The article examines the destruction of historical memory as a political weapon of imperialism in the FRG to falsify the concept and practice of anti-fascism in its favour.

Key words: anti-fascism, history, imperialism, FRG.

Одним из направлений современной философской и исторической мысли является проблематика, связанная с осмыслением культурной и исторической памяти как способов воспроизводства и устойчивого развития общества. Эту проблему можно рассматривать и в другой – обратной – перспективе: уничтожение исторического опыта и исторической памяти с целью предотвращения сопротивления и для достижения «закрытого тыла» («geschlossene Heimatfront») в основных странах империализма.

Разумеется, сюда же относится известное приравнивание социализма и фашизма, приписывание социалистическому Советскому Союзу такой же ответственности за развязывание Второй мировой войны, как и фашистской Германии, а также изображение социалистической ГДР как «второй диктатуры в Германии». Эта тенденция в исторической политике и пропаганде сохраняется и становится все более ясной.

Однако в последние годы в ФРГ появился второй аспект. Фальсификация и злоупотребление понятием антифашизма. Это делается как в связи с текущими событиями, так и с историей путём дискредитации антифашистской борьбы Коммунистической партии Германии (КПГ) в 1920-1930-е годах. Этот аспект особенно направлен на левые и антифашистские организации, чтобы перетянуть часть из них на сторону правящего класса. В настоящее время этот концепт иногда также исходит из самих этих организаций. Последнему уделяется особое внимание в данной статье.

Одним из примеров этого является текущая дискуссия в традиционной антифашистской организации «Объединение жертв нацистского режима – союз антифашистов» («Vereinigung der Verfolgten des Nazi-Regimes – Bund der Antifaschisten (VVN-BdA)»), организации, которая была основана после победы над немецким фашизмом преследуемыми нацизмом антифашистами, включая многих коммунистов, и позже была открыта для всех антифашистов.

В июле 2023 года в журнале этой организации была опубликована статья под названием «Когда не было брандмауэра». Её автор – Макси Шнайдер, советник по вопросам политики истории и памяти в федеральном управлении VVN-BdA.

В этой статье автор Шнайдер пишет: «Программное заявление национального и социального освобождения немецкого народа» от 24 августа 1930 года также должно быть оценено как ошибочное. То, что интернационалистская КПГ выразила себя таким образом, стало возможным только на фоне сталинской пропаганды «социализма в одной стране». Хотя коммунисты признавали серьёзность фашистской опасности и сами подвергались постоянным нападкам со стороны нацистов, руководство партии выступало против Версальского договора и надеялось, что «разожгут энтузиазм масс для победы над буржуазией, для социального и одновременно национального освобождения трудящегося немецкого народа». (...) КПГ не делала общего дела с НСДАП, но такие содержательные заявления, как «Программное заявление о национальном и социальном освобождении», достались ей дорогой ценой. Привлечение голосов у националистов усилило позицию националистически настроенных, повысило статус крайне правых как партнёра по диалогу и подорвало интернационалистские позиции КПГ, а также её борьбу за права женщин и базовый антифашистский консенсус» [1].

Иными словами, в этих утверждениях КПГ изначально обвиняется в том, что в своём программном заявлении она вообще затронула вопрос о национальных интересах немецкого народа. Вопрос о том, не является ли это необходимым для такой марксистской партии, как КПГ, даже не задаётся, хотя это было бы необходимо. «Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия», изложили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» [2]. В программном заявлении ясно сказано, что понятие нации, как его понимали

немецкий фашизм и немецкий монополистический капитал, не имеет ничего общего с пониманием нации КПГ. Так говорится в заявлении: «Фашисты (нацисты) утверждают, что они являются «национальной», «социалистической» и «рабочей» партией. Мы возражаем, ибо на деле они – антинародная и антирабочая, антисоциалистическая партия самой крайней реакции, эксплуатации и порабощения трудящихся. Партия, стремящаяся отнять у трудящихся всё то, что даже буржуазное и социал-демократическое правительство пока не могло отнять у них. Партия убийственной, фашистской диктатуры, партия восстановления режима юнкеров и офицеров, партия восстановления многочисленных немецких князей в их «наследственных» правах, офицеров и высших чиновников в их титулах и должностях».[3]

Непонятно и то, что вышеупомянутое программное заявление, выступавшее против Версальского договора, увязывается с тезисом о «социализме в одной стране». Возможно, это сделано для того, чтобы охарактеризовать эту позицию как националистическую, что само по себе непонятно, поскольку строительство социализма в Советском Союзе не имело ничего общего с национализмом. Кроме того, Версальский договор отвергали не только коммунисты Германии. Ленин называл его «(...) неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов» [4]. КПГ и Французская компартия совместно требовали прекращения Версальского договора, который стал результатом войны между империалистическими державами [5].

В статье упоминается множество известных антикоммунистических пропагандистских тезисов против КПГ, например, забастовка в Берлинской транспортной компании в 1932 г., которую возглавляла КПГ и в которой принимали участие рабочие из национал-социалистической организации. Нужно ли было призывать их не участвовать в забастовке?

Конечно, КПГ, как и коммунистическое движение в целом, совершила ошибки, включая тезис о социал-фашизме, который уже был пересмотрен Седьмым конгрессом Коминтерна, а также некоторые тактические ошибки [6]. Однако это не даёт оснований для дискредитации её антифашистской политики, как это делает М. Шнайдер. Эта статья, опубликованная организацией, которая на самом деле исходит из антифашистской традиции, рассуждает примерно так же, как буржуазные историки и пропагандисты, обвиняющие и КПГ и НСДАП в провале Веймарской республики [7].

Ещё один пример такого подхода, на этот раз из рядов буржуазных политиков, можно найти в борьбе против мемориала Эрнесту Тельману в Берлине. На дополнительных информационных стендах теперь утверждается, что председатель КПГ, убитый фашистами в 1944 году, был отчасти виноват в подъёме фашизма, поскольку коммунисты ослабили Веймарскую республику [8].

Далее становится ясно, что эта дискредитация антифашистской политики КПГ в период Веймарской республики выполняет определённую функцию. М. Шнайдер приравнивает правопопулистскую партию «Альтернатива для Германии (АдГ)» к

фашистской НСДАП, а также утверждает, что частичное сотрудничество с мелко-буржуазной партией «Die Basis» свидетельствует об открытости движения за мир для правых сил, и в то же время она призывает к действиям против обеих партий вместе с правящими партиями, являющимися главными движущими силами нынешней военной политики и поддерживающими фашистов на Украине, а также в Израиле.

Другой пример – кампания «Выступи против расизма», в которой расизм приписывается исключительно АдГ [9]. Нет сомнений, что АдГ – расистская партия, с которой нужно бороться, но это не фашистская партия, и такой подход игнорирует расизм, который пропагандируют партии, находящиеся у власти [10]. В статье М. Шнайдера предлагается союз с партиями немецкого империализма, который оправдывается тем, что ошибки КПГ не должны быть повторены. Эта позиция поддерживает политику правительства, поскольку партии немецкого империализма в настоящее время используют АдГ для привлечения антифашистских движений и антифашистски настроенных людей к их политике, делая акцент на борьбе с АдГ [11]. Разумеется, это не помешает этим партиям сотрудничать с АдГ, чья функция – направить недовольство вправо, если это станет необходимым для получения большинства в парламентах.

Только что изложенная позиция основана на одностороннем иискажённом понятии фашизма. Согласно этой позиции, фашизм – это то, что вызвано фашистскими организациями или даже отдельными фашистами, и все так называемые «демократы» должны объединиться против него. Тот факт, что *фашизм, как и буржуазная демократия, является формой господства монополистического капитала*, больше не только не признаётся, но и вообще отрицается. Это также означает, что невозможно сделать вывод о том, что борьба с фашизмом должна включать в себя борьбу против демонтажа социальных и демократических прав трудящихся, даже если это осуществляется «демократическими» партиями [12].

Кроме того, искажается и понятие *антифашизма*. Это тоже не совсем ново, поскольку агрессивная война НАТО против Югославии была оправдана тогдашним министром иностранных дел Федеративной Республики Германия Йозефом Фишером в качестве средства предотвращением якобы нового Освенцима. В настоящее время такой подход, фальсифицирующий историю, применяется ещё более агрессивно. В то время как представители правящих партий как нынешнего, так и прошлого правительства не произнесли ни слова критики в адрес фашизма в Украине, из этих партий неоднократно звучали заявления, в которых Россия называлась фашистской [13]. А любая критика оккупационной и колониальной политики Израиля объявляется «антисемитской», а на демонстрациях и митингах часто запрещается называть действия Израиля в секторе Газа геноцидом. Таким образом, безоговорочная поддержка Израиля выдаётся за «антифашизм», фашизм редуцируется до антисемитизма, а антисионизм приравнивается к антисемитизму [14]. 27 миллионов погибших советских граждан в Великой Отечественной войне и антифашист-

ское сопротивление должны быть забыты, в то время как социалистический Советский Союз приравнивается к фашистской Германии.

Однако немецкий империализм, очевидно, не полагается только на пропаганду. Существует – хотя пока и недостаточное – сопротивление этому искажению истории и разрушению исторической памяти (между прочим и внутри VVN-BdA). Именно поэтому все чаще применяются репрессии, которые уже не ограничиваются ужесточением полицейских законов и т.д., но теперь также напрямую направлены против выражения несогласных мнений. Это выражается в маргинализации, невозможности для учёных публиковаться в известных издательствах и даже в попытках изгнать учёных из университетов. Их обвиняют в якобы экстремистских позициях, как, например, профессора Ульрике Геро, отнюдь не левого по своим политическим взглядам, которая призвала ЕС «сделать все, чтобы немедленно прекратить эту войну [на Украине]» [15]. Культурные учреждения, выражающие критику политики государства Израиль, часто перестают получать государственное финансирование [16].

Наконец, следует упомянуть об уголовном преследовании обычного выражения мнения – будь то на митингах или в социальных сетях – через § 140 (одобрение уголовных преступлений) и особенно новую редакцию § 130 Уголовного кодекса Германии.

В этой редакции состав преступления «подстрекательство народа» был расширен. В нем «публичное одобрение, отрицание и грубое преуменьшение геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, если это деяние совершено способом, способным возбудить ненависть или насилие и нарушить общественное спокойствие, теперь является уголовно наказуемым преступлением» [17].

Тем временем уже идут судебные процессы по этим статьям и выносятся приговоры только за публичное упоминание агрессии НАТО против Донбасса и Российской Федерации, поскольку это якобы оправдывает «агрессивную войну России против Украины» [18]. С конца 2023 года участились и случаи подачи исков за высказывания в поддержку освободительной борьбы Палестины.

Список литературы

1. Schneider, Maxi: Als es keine Brandmauer gab, Antifa – Magazin der VVN-BDA für antifaschistische Politik und Kultur, Ausgabe Juli/August 2023, <https://antifa.vvn-bda.de/2023/07/11/als-es-keine-brandmauer-gab/>
2. Маркс, К., Энгельс, Ф.: Манифест Коммунистической партии, 1848.
3. Programmerklärung zur nationalen und sozialen Befreiung des deutschen Volkes, Proklamation des ZK der KP vom 24.08.1930, Ernst Thälmann, Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 2, Berlin 1956, с. 530 и далее, <https://www.marxists.org/deutsch/referenz/thaelmann/1930/08/natsozbef.htm>
4. Ленин, В.И.: Речь на совещании председателей волостных и сельских исполнительных комитетов московской губернии 15 октября 1920г., ПСС т. 41.

5. Aux Travailleurs de France et d'Allemagne! Parti Communiste de France et Parti Communiste d'Allemagne, Le bulletin communiste, numéro 6, 07.02.1922, <https://www.marxists.org/francais/pcf/works/1922/02/pcfkd.htm>
6. Более подробно об анализе вышеупомянутой статьи М. Шнайдера в этом отношении: Höhne, Erik: Fragwürdige Thesen, Unsere Zeit, 01.09.2023, <https://www.unsere-zeit.de/fragwuerdige-thesen-4783107/> и в целом по этому вопросу Schneider, Ulrich: Antifaschismus, Köln 2014
7. Два примера из многих: Sturm, Reinhard: Zerstörung der Demokratie 1930-1933, Bundeszentrale für politische Bildung 2011, <https://www.bpb.de/themen/erster-weltkrieg-weimar/weimarer-republik/275841/zerstoerung-der-demokratie-1930-1933/„Demokratiefeindlichkeit als Markenzeichen der NSDAP zog manche Wähler geradezu an“>, Interview mit dem Staatsrechtler Philipp Austermann, Die Welt, 24.11.2020, <https://www.welt.de/geschichte/article220910224/Weimarer-Republik-KPD-und-NSDAP-verachteten-den-Reichstag.html>
8. Thälmann-Denkmal: KPD-Vorsitzender angeblich schuld an Hitler, ND, 20.11.2023, <https://www.nd-aktuell.de/artikel/1177855.prenzlauer-berg-thaelmann-denkmal-kpd-vorsitzender-angeblich-schuld-an-hitler.html>
9. <https://www.aufstehen-gegen-rassismus.de/>
10. Эта тема не может быть рассмотрена здесь, но можно упомянуть один аспект - часто расистски мотивированное насилие со стороны полиции, которое практически никогда не подвергается судебному разбирательству. Источники и ссылки: Abdul-Rahman, Laila; Espín Trau, Hannah; Klaus, Luise; Singelnstein, Tobias: Gewalt im Amt, übermäßige polizeiliche Gewaltanwendung und ihre Aufarbeitung, Frankfurt/New York 2023, https://www.campus.de/e-books/wissenschaft/soziologie/gewalt_im_amt-17806.html
11. Один пример из многих: Die Hamburger Justizesenatorin Anna Gallina (Grüne) fordert eine Vereinbarung aller demokratischen Parteien gegen die AfD, <https://www.ndr.de/nachrichten/hamburg/Gallina-wirbt-fuer-ueberparteiliches-Buendnis-gegen-AfD,gallina168.html>
12. Более подробно: Baumann, Kurt: „Brandmauer“ oder Antifaschismus? Unsere Zeit, 15.09.2023, <https://www.unsere-zeit.de/brandmauer-oder-antifaschismus-4783576/>
13. Один пример: Джамилы Шефер, член Бундестага от «Зелёных», которая заявила, что «(...)быть сторонником антифашизма и мира означает поддерживать сопротивление Путину [на Украине]», <https://www.gruene-bundestag.de/parlament/bundestagsreden/ukraine-9>
14. Примером может служить заявление федеральных председателей VVN/BdA о ситуации в Газе от 10.10.2023, в котором организация полностью встаёт на сторону израильского правительства и армии. Палестинский народ и его погибшие упоминаются лишь вскользь, израильская оккупационная политика, продолжающаяся десятилетиями, не упоминается вообще, <https://vvn-bda.de/vvn-bda-solidarisch-mit-den-opfern-des-antisemитischen-massakers/>; очень похоже с одной из правящих партий: «Bündnis 90/Die Grünen» im Landtag Thüringen, Nie wieder heißt nie wieder!, <https://www.gruene-thl.de/aufarbeitung/nie-wieder-heisst-nie-wieder>
15. Об этом случае и других подобных: Schillo, Johannes: Hermeneutik des Verdachts“ junge welt, 20.12.2023, <https://www.jungewelt.de/artikel/465735.meinungsbilder-in-zeiten-des-kriegs-hermeneutik-des-verdachts.html>

16. Repression gegen Kulturzentrum „Das käme einem Dammbruch gleich“, junge welt 04.11.2023,<https://www.jungewelt.de/artikel/462517.repression-gegen-kulturzentrum-das-k%C3%A4me-einem-dammbruch-gleich.html>
17. Für die Meinungsfreiheit, Unsere Zeit 09.08.2023, <https://www.unsere-zeit.de/fuer-die-meinungsfreiheit-4782597/>, здесь также можно найти полный текст конституционной жалобы на эту новую редакцию
18. Göbel, Rüdiger: Maulkorburteil für Kriegsgegner, junge welt, 24.01.2023, <https://www.jungewelt.de/artikel/443424.kriminalisierter-antimilitarismus-maulkorburteil-f%C3%BCr-kriegsgegner.html>; Die herrschende Meinung runterbeten?, Unsere Zeit 01.09.2023, <https://www.unsere-zeit.de/die-herrscheende-meinung-runterbeten-4783224/>; Iqrith, Jamal: Kulturkampf mit Mülltonne, junge welt 30.10.2023,<https://www.jungewelt.de/artikel/462033.pal%C3%A4stina-solidarit%C3%A4t-kulturkampf-mit-m%C3%BClltonne.html>

УДК 321.011(47)

Хюсер Александр
(аспирант)

Лейпцигский Университет, Институт славистики
(г. Лейпциг, Федеративная Республика Германии)

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЗЕРКАЛЕ КОНЦЕПЦИИ «ДЕКОЛОНИЗАЦИИ»

Аннотация: В этой статье рассматривается концепция так называемой деколонизации России. Эта концепция не является исторически новой и направлена на ликвидацию национального суверенитета России. После начала военной операции РФ на Украине она вновь активно обсуждается в политических и академических кругах Германии, особенно в восточноевропейских исследованиях.

Ключевые слова: империализм, либерализм, национализм, politicизация науки, национальный суверенитет.

Hueser Alexander

(postgraduate student)

University of Leipzig, Institute for Slavic Studies
(Leipzig, Federal Republic of Germany)

EASTERN EUROPEAN RESEARCH IN THE MIRROR OF THE CONCEPT OF «DECOLONIZATION»

Annotation. This article examines the concept of the so-called decolonization of Russia. This concept is not historically new and aims to eliminate Russia's national sovereignty. After the beginning of the Russian Federation's military operation in Ukraine, it is again actively discussed in political and academic circles in Germany, especially in East European studies.

Keywords: imperialism, liberalism, nationalism, politicization of science, national sovereignty.

Введение. С началом российской военной операции на Украине, правящие политики Германии провозгласили «переломный момент» (нем. Zeitenwende). Кацлер ФРГ – Олаф Шольц – обвинил российского президента в стремлении построить «империю в Европе» и «повернуть часы назад, к временам великих держав XIX века». По мнению Шольца, Германия должна собрать все силы, чтобы «положить этому конец» [1]. Анна-Лена Бербок, министр иностранных дел Федеративной Республики Германии, заявила, что Россия должна быть «разорена» [2].

Важным инструментом немецкой внешней политики для ослабления России, который использовался на протяжении многих веков, была и остаётся стратегия разрушения целостности российского (или, в период холодной войны, советского)

централизованного государства – вплоть до стратегии его расчленения. Такие стратегии уже обсуждались немецкими элитами во время Первой мировой войны для борьбы с Российской царской империей, в рамках так называемой «Лиги иностранных народов России» (нем. Liga der Fremdvölker Russlands) [3]. Сегодня – в условиях войны, которую Германия, по словам ее министра иностранных дел, ведет против России [4], – они вновь актуальны и активно обсуждаются в политических и академических кругах.

Цель данной статьи – дать обзор этих политических и академических дебатов. Такие дебаты касаются концепции «деколонизации» России. Кратко говоря, этот термин означает, что новые, антироссийские позиции в немецких исследованиях Восточной Европы приводят к расширению обмена мнениями с учеными, выступающими за так называемое освобождение народов, якобы угнетаемых Россией. Сегодняшняя конференция называется «Методология познания истории: объективные механизмы развития против политического проективизма». Цель данной темы – показать, что в немецких восточноевропейских исследованиях наметился перелом в сторону ярко выраженного политизированного производства антироссийской идеологии. Будет показано, что этот поворот идет вместе с историографией, которая искажает исторические факты или является политически заинтересованной.

Дебаты о «деколонизации России» в политике. Важным институтом, консультирующим по вопросам так называемых «стратегий деколонизации» России, является так называемый «Форум свободных народов России» [5]. Согласно его собственным заявлениям, целями форума являются «восстановление и структурная трансформация России, экономическое и политическое развитие историко-культурных регионов и автономий, полная реализация гражданских прав и свобод, а также социальное благополучие народа» [там же]. Помимо представителей этнических меньшинств Российской Федерации (РФ), в последних заседаниях этого форума приняли участие ведущие западные политики. Там, в отличие от относительно безобидно звучащей «структурной трансформации России», было открыто заявлено, что «деколонизация России» означает разрушение РФ как государства [там же]. В отчете о конференции бывший глава Фонда Генриха Бёлля в Киеве (политический фонд, близкий к партии «Альянс 90 - Зеленые») Сергей Сумленный говорит, что, к сожалению, западноевропейские эксперты настроены против распада России [6]. Под «деколонизацией» он подразумевает предоставление народам России «права на самоопределение» [там же]. Кстати, Ахмад Закаев, лидер антироссийских сепаратистов, разыскиваемый в России по обвинению в нападениях смертников на гражданские объекты, авиакатастрофах и захвате заложников, участвовал в мероприятии как представитель чеченского этнического меньшинства [там же].

Другой важный орган, тесно связанный с «Форумом свободных народов России», – Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе (англ. Commission on Security and Cooperation in Europa, CSCE), также известная как «Хельсинкская ко-

миссия США» (англ. U.S. Helsinki Commission), в которую входят сенаторы и члены Палаты представителей и Государственного департамента США. В июне 2022 года этот орган объявил деколонизацию России «моральным и стратегическим императивом» [7]. Это было обосновано тем, что «варварские войны России на Украине, в Сирии, Ливии, Грузии и Чечне демонстрируют всему миру ее порочный имперский характер». Россия, по мнению этой организации, угнетает коренные не-русские народы, проживающие на территории Российской Федерации, и следует традициям колониальной политики Советского Союза. Только деколонизированная Россия может обеспечить безопасность и стабильность в Европе [там же].

С тех пор эти идеи активно обсуждаются в политических кругах, близких к партии «Альянс 90/Зеленые». Например, 29.11.23 состоялась конференция, организованная связанным с партией Фондом Генриха Бёлля, в которой участвовала и организация «Мемориал», классифицированная в России как «иностранный агент». Она называлась «11-й Европейский исторический форум: Деколонизируйтесь!» [8]. Целью конференции было «критически взглянуть на устаревшие формы науки, которые не только не анализируют колониальные структуры власти и знания, но (...) даже их порождают». Однако многие ученые в «теперь уже независимых бывших республиках Советского Союза» рассматривают «деколониальную историографию» как «важный инструмент, чтобы вооружиться против реваншистских притязаний России». Это, по мнению исследователей, выступавших на конференции, связано с тем, что Москва часто оправдывает свою агрессивную политику в отношении соседних государств, утверждая, что стремление бывших советских республик к свободе и независимости не имеет никакого исторического основания [там же].

Соответственно, фокус на России, которая десятилетиями доминировала в культурных и социальных науках, следует рассматривать как результат колониального образа мыслей, поскольку это свидетельствует о глубоко укоренившемся незнании политического, культурного и исторического многообразия Восточной Европы. Современный так называемый российский колониализм, хотя и с отличиями, является преемником колониализма Российской империи и Советского Союза. В немецких исследованиях Восточной Европы до сих пор существует «проблема принятия советского и европоцентристского нарратива о том, что колонизация коренных народов была необходимым шагом на пути к эпохе модерна. В основном это касается политически лево-ориентированных ученых». Преодоление этих нарративов должно «стать целью деколонизации исследований Восточной Европы в Германии» [там же].

Очень близко по духу к этим большим, институционально установленным политическим кругам, данная тема обсуждается также и в леволиберальной и радикальной левой или анархистской среде в Германии. Например, упомянутый выше «зелёный» Сергей Сумленный взял интервью у Европейского центра инициативы по сопротивлению (англ. European Resilience Initiative Cente), очередного антирос-

сийского аналитического центра [9], анархо-феминистского коллектива «Unruhe» (рус. беспокойство, тревога) [10]. В самом начале интервью собеседник заявил, что «единственный надёжный и перспективный сценарий для мира и демократии – это распад России». Анархист критикует левые силы за то, что они отвергают любое понятие национализма, хотя именно «этот национализм придает украинцам силы в борьбе с Россией».

Точно так же и «коренные народы России» в борьбе с колонизаторами могли опираться только на национализм. Даже если этот национализм может принимать «неаппетитные формы», обойти его невозможно. По словам интервьюируемого, группа борется за «ненасильственное общество, в котором люди могут определять себя и управлять собой». Поэтому, по её мнению, деколониальное движение – это всегда анархистское движение. В украинской войне добровольческие подразделения из Чечни, Белоруссии и Грузии уже «чрезвычайно эффективно» сражались против России, потому что они уже получили боевой опыт с Россией на украинской стороне [там же]. Это замыкает круг людей: разыскиваемые в России чеченские террористы, фигурирующие в «Форуме свободных народов России» (см. выше), теперь называются здесь «активистами» анархистской деколонизации в качестве потенциальных борцов за свои цели⁷. Интервьюируемый также призывает к расширению обмена активистами и продвижению искусства, науки и созданию научных и культурных платформ.

Глядя только на эти показательные выдержки, становится ясно, что представленные здесь концепции деколонизации, несмотря на все их различия, в первую очередь основаны на либерально-индивидуалистической и антироссийской концепции свободы: «Человек свободен, когда он освобожден от России». В основном, «деколонизация» заключается в «самоопределении» коренных народов, которые как бы всегда были угнетёнными «русским колониализмом». По мнению представителей таких идей, этот колониализм, будь то царский, советский или буржуазный, всегда был тоталитарным и коллективистским, а значит, направленным против свободы индивидуума.

Они утверждают, что этот колониалистский образ мышления всё ещё сохраняется в немецких исследованиях Восточной Европы и находит своё выражение и в политике [14]. Соответственно, академический ответ на «путинский проект реколонизации» должен заключаться в «последовательной деколонизации нашего мышления», как кратко выразился исследователь Восточной Европы Мартин-Шульце-Бессель [15]. Этим академическим усилиям посвящена следующий раздел доклада.

7. Другие леволиберальные и леворадикальные сторонники «деколонизации» (пока еще) ограничивают свою деятельность организацией выставок, посвященных якобы притеснению этнических меньшинств в России. При этом они тоже участвуют в академическом дискурсе о колониализме, деколонизации и т. д. [11, 12, 13].

Проблема «деколонизации» исследований Восточной Европы. Прежде чем определять всю российскую и советскую политику в отношении меньшинств как «колониальную», необходимо понять, что же на самом деле означает термин *колониализм*. Так называемые постколониальные исследования, которые в последние годы всё чаще проводятся в немецких университетах, в основном сосредоточены на западной или, точнее, немецкой колониальной политике в Африке и Азии. Их исследования по вопросу расизма правящих классов также всегда затрагивали вопросы экономической эксплуатации колониально угнетённых народов и описывали это как неотъемлемый элемент колониализма. Теоретики оторвались от этого понятия в рассуждениях о «русском колониализме». Отделившись от исторически конкретного явления колониализма, его понятие теперь сводится в первую очередь к отношению индивидов к государству как к чему-то «чужому».

По словам Яна Янсена и Юргена Остерхаммеля, на которых ссылается активист антироссийской деколонизации Мориц Флорин, «деколонизация» в политическом смысле означает не что иное, как «исторически уникальную и предположительно необратимую делегитимацию любого правила, которое воспринимается как отношение подданных к чужому» [16]. Кто, от кого и почему «отчуждается», в данном определении остаётся намеренно открытым, чтобы в конечном итоге определить все нерусские этнические группы в Российской Федерации или жителей бывшего Советского Союза как отчуждённые от всего русского и, следовательно, угнетённые в общей государственности.

С этим «новым» определением термина теперь можно указать на всевозможные характеристики так называемого колониализма России и Советского Союза. Они многочисленны и вызывают споры среди самих этих теоретиков; однако, несмотря на все разногласия по поводу деталей, все согласны с тем, что Россия угнетала иностранные народы на протяжении всей своей истории. Первой важной характеристикой колониализма, по мнению этих теоретиков, было постоянное стремление к расширению территории России, которое всегда происходило за счет этнических групп, проживающих на данной территории. Расширение царской империи с XVI века рассматривается в исторической преемственности с расширением территории Советского Союза в XX веке, ленинской политикой в отношении национальностей, сталинской демографической политикой и, наконец, военной операцией РФ на Украине в 2022 году [8].

Совершенно разные государственные конституции и политические цели этих событий, произошедших с разницей в четыреста лет, не играют никакой роли в этой предполагаемой *"преемственности"* – ведь цель состоит в том, чтобы использовать эти исторические события для доказательства имманентного стремления России к экспансии и угнетению. По мнению этих историков, сегодняшняя «ностальгия по СССР» заключается в представлении, что советская политика экспансии означала «возможности для продвижения» для «колонизированных народов». Эта «ностальгия», которой, кстати, самим этим термином уже отказано во

всякой рациональности, также является проблемой в республиках Центральной Азии, которые на самом деле могли бы стать местом антиколониальных движений против России [там же].

«Советская пропаганда», которая описывала эти «колониальные походы» как необходимый шаг на пути к эпохе модерна, характеризуется как европоцентристская и расистская [Там же]. Связанная с этими походами так называемая русификация проживавших там народов «всё ещё» глубоко укоренена в политической логике российской элиты и означает «культурный геноцид» этих людей [Там же]. По этой причине восточноевропейские исследования в Германии аргументируют, что надо отказаться от европоцентристской идеи, что Россия является современным просветителем на периферии» [8]. К этому также призывает историк Восточной Европы Мориц Флорин [17].

В отличие от некоторых авторов, Флорин призывает отказаться от идеи, что европейский колониализм и российский колониализм имеют какие-то различия [Там же]. Восточноевропейские исследования должны окончательно отказаться от академической предпосылки, что Россия когда-либо играла эту роль или может продолжать играть её в будущем [8]. Герхард Симон, славист из Кёльна, идёт ещё дальше: он требует, чтобы предпосылкой будущих исследований Восточной Европы должно стать восприятие России как державы, «покинувшей цивилизованный мир». Эта предпосылка вытекает из «провала» академических кругов, которые не смогли предвидеть так называемую «российскую агрессивную войну против Украины» [18]. Герд Кёнен называет это отсутствие различий между немецкими исследованиями Восточной Европы и российскими оценками исторических событий «немецким про-российским комплексом» [19], который, по его мнению, относится к традиционно тесным связям Германии с Россией. Таня Петер жалуется, что немецкие исследования Восточной Европы частично переняли «имперский российский взгляд на историю и что «малым народам» между Германией и Россией было отказано в собственной истории и существовании как нации» [20].

Соответственно, требуется преодолеть предполагаемую пророссийскую однобокость и российский проимперский нарратив, который игнорирует историю «бывших колоний» [8]. Поэтому на институциональном уровне должны быть установлены более тесные связи с академиями бывших советских республик (которые должны быть ограничены по содержанию антироссийскими отделениями этих академий), поскольку здесь существует «дискурсивное пространство за пределами нормативного евроцентризма». Эти дискурсивные пространства колеблются в своих нарративах между «антиколониальными и колониальными, локальными и универсализирующими интерпретациями». По мнению теоретиков, они избегают «любой однозначности нации, этничности, религии, империи или марксизма-ленинизма», поэтому их «эмансипационный потенциал» заключается именно в «их амбивалентности и комплексности» [17].

Выводы. Описанная здесь «деколонизация восточноевропейских исследований от российских проимперских предпосылок» – это политическая программа, реализуемая в рамках антироссийской доктрины «переломного момента» (*Zeitenwende*) и «войны Германии против России» (см. выше). Цель этой программы – академическое обоснование антироссийской национальной истории нерусских этнических групп в РФ и бывших советских республиках с целью продвижения сепаратистской и антироссийской идеологии этих же политических сил.

Для такой программы термин «колониализм», имеющий везде негативную коннотацию, лишается своего прежнего значения. Таким образом, этот термин ограничивается явлением предполагаемого «иностранныго господства», которое противопоставляется любой «свободе» и «самоопределению» «угнетенных народов». На теоретическом уровне левые принципы, такие как право наций на самоопределение и сопротивление эксплуатации и угнетению, сочетаются с националистическими идеями. Эта смесь находит своё институциональное выражение в совместно организованных мероприятиях и личных пересечениях в политическом спектре Зеленой партии, леволиберальной, леворадикальной и анархистской сцены, а также фашистских и террористических сил из Украины и Чечни.

Для восточноевропейских исследований, которые в будущем, очевидно, станут идеологическим подсказчиком для этих сил, это означает, что *предвзятость науки будет усиливаться*. В будущем исторические события, а также литературные и культурные феномены будут анализироваться, исходя из предпосылки, что Россия угнетала людей каждую минуту своего существования. Термин «предпосылка» здесь в конечном итоге означает, что именно эта предпосылка всегда будет подтверждаться в подобных исследованиях. Поэтому следует ожидать, что в будущем в историко-славянских или междисциплинарных исследованиях будут постоянно встречаться моменты «угнетения» со стороны России и моменты «освобождения» со стороны нерусских народов.

Итак, можно резюмировать, что «деколонизация» – это политическая проекция немецких восточноевропейских исследований на эти политические цели. Объективная историография или изучение языковых и литературных явлений в Восточной Европе, которые касаются классовых отношений и классовой борьбы, а также конкретных исторических обстоятельств, в которых эти явления возникли, должны быть принесены в жертву такой проекции – полностью в духе «войны против России».

Список литературы

1. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>
2. <https://www.rnd.de/politik/ukraine-krieg-baerbock-ueber-sanktionen-das-wird-russland-ruinieren-RZDYS2DEPRK5OST7ZGGRZ6UN4I.html>
3. Seppo Zetterberg: *Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg*, Helsinki 1978 (Akateeminen Kirjakauppa)
4. <https://www.sueddeutsche.de/politik/baerbock-shitstorm-russland-statements-krieg-1.5740445>
5. <https://www.freenationsrf.org/index.php>
6. <https://www.telepolis.de/features/Russland-dekolonisieren-Will-der-Westen-die-Russische-Foederatton-zerstueckeln-7274966.html?seite=all>
7. <https://www.csce.gov/press-releases/decolonization-of-russia-to-be-discussed-at-upcoming-helsinki-commission-briefing/>
8. <https://www.boell.de/de/2023/11/29/11-europaeisches-geschichtsforum-dekolonisiert-euch>
9. <https://european-resilience.org/>
10. <https://european-resilience.org/analytics/there-no-other-way-decolonize-russia>
11. <https://www.akweb.de/gesellschaft/russland-dekolonisierung-ausstellung-berlin-bethanien/>
12. <https://taz.de/Ausstellung-zum-russischen-Kolonialismus/!5918851/>
13. <https://jungle.world/artikel/2023/39/russland-dekolonisieren>
14. <https://ukraineneverstehen.de/simon-versagen-der-osteuropaforschung/>
15. Martin Schulze-Wessel: Die Ukraine ist längst eine Nation, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19.3.2022.
16. Jan Jansen/Jürgen Osterhammel: Dekolonisation. Das Ende der Imperien, München 2013, S. 7.
17. https://zeitgeschichte-online.de/themen/zentralasien-und-die-dekolonisierung-der-osteuropaforschung#_ftn6
18. <https://ukraineneverstehen.de/simon-versagen-der-osteuropaforschung/>
19. Gerd Koenen, Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. München 2005; ders., Russland gründlich entzaubert. Vom Ende eines deutschen Komplexes, in: Osteuropa 72/1–3, 2022, 19–32.
20. Tanja Peter: Osteuwissenschaft im Krieg. Herausforderungen der epochalen Zeitenwende.

Теория и история культуры, искусства

УДК – 82-21 (792.09)

Д. В. Баканов

(доцент)

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: deny234@mail.ru

ДРАМАТУРГ УИЛЬЯМ ШЕКСПИР ЛИШЬ ПОВОД ДЛЯ ПОСТАНОВКИ

Аннотация. Статья поднимает одну из остро назревших проблем в постановочном процессе театрального искусства: взаимоотношение современных режиссеров с драматургическим текстом «классиков». Обнажаются разрушительные процессы – уничтожение смысловых структур драматургического материала, переформатирование героев и демонстрация их физиологии и патологии.

Ключевые слова: Шекспир, Лир, Макбет, постановка, театр, спектакль, интерпретация, драматург, пьеса, режиссер, автор, Станиславский, Крэг, Мейерхольд, Бутусов, Богомолов.

D. V. Bakarov

(Associate Professor)

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

(St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: deny234@mail.ru

PLAYWRIGHT WILLIAM SHAKESPEARE IS JUST A REASON TO STAGE

Annotation. The main idea that is embedded in this article is the multiplication of those destructive processes that destroy the semantic structures of dramatic material and turn out the characters, revealing only their psychological qualities. The dramatic material becomes only an excuse for the production: neither the personality of the playwright, nor the themes and meanings embedded in the material are leading for modern directors.

Key words: Shakespeare, Lear, Macbeth, production, theatre, interpretation, playwright, play, director, author, Stanislavsky, Craig, Meyerhold, Butusov, Bogomolov.

Взаимоотношения драматурга и режиссера берут свое начало задолго до становления режиссуры как отдельного, самостоятельного явления в театральном ис-

кусстве. Часто роль постановщика брал на себя сам драматург. Было время, когда обязанностями постановщика занимался ведущий актёр театра, который адаптировал под себя или нужды театра ту или иную пьесу драматурга. Постановочный процесс данного исторического развития сценического искусства приобрёл свои правила и традиции, основным критерием которого являлось лидерство драматурга.

Конец XIX начало XX вв. ознаменованы становлением режиссера, как лидера отстаивающего свое право на самостоятельность. Для создания художественно целостности, режиссер связывает воедино все компоненты спектакля: драматургический материал, декорации, музыкальное и световое оформление, игра актеров и т.д. Содержательный и художественный уровень постановки всецело на творческой ответственности режиссера. В этот самый момент возникает спор о главенстве в театральном искусстве, и этот спор не утихает до сих пор.

На всем протяжении развития режиссерского театра, как зарубежного, так и отечественного, система взаимоотношений «драматург – режиссер» является краеугольным камнем. Например, в своих трудах великий английский теоретик и режиссер театра Г. Крэг говорит, что режиссер должен абсолютно доминировать в театре. Гордон Крэг пишет: *«Я скажу вам. Его работа (режиссера – А.Р.) как интерпретатора пьесы, написанной драматургом, заключается примерно в следующем: он берет из рук драматурга экземпляр пьесы и обязуется дать верное ее истолкование на основе полученного им текста (не забудьте, что я говорю только о самых лучших режиссерах). Затем он читает пьесу и уже во время первого чтения его мысленному взору предстают цвет? Тон? Рисунок движения и ритм всей постановки. Что до сценических ремарок, описания декораций и прочих указаний, которыми автор может снабдить свой текст, то с ним режиссер считаться не обязан, ведь если он знает свое дело, для него там ничего полезного»* [10, с. 170]. В трудах Г. Крэга можно найти еще много цитат, где указывается на вторичность драматурга. Но, он идет еще дальше и говорит о том, что когда-то наступит время, когда драматург не нужен будет и во все: *«Но как я уже говорил, театр не должен вечно полагаться на то, что у него есть пьесы для исполнения, – рано или поздно он должен будет перейти к исполнению произведений своего собственного искусства»* [10, с. 168].

Оппонентами Г. Крэгу выступали К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, указывающие, что режиссер всего лишь ведомый, а ведущим, в связке «драматург – режиссер», всегда должен быть драматург. В 1930-х годах в заочный спор с ними вступает Вс. Э. Мейерхольд. Он начинает отождествлять режиссера как «автора спектакля», и в модели взаимоотношений между драматургом и режиссером заявляет право режиссера на пьесу. *«Режиссер в его (Мейерхольда. – А.Р.) лице перестает быть механическим исполнителем воли литератора-драматурга. Он становится творцом, организатором спектакля в целом, включая сюда и драматургический материал, который подвергается переработке, дол-*

женствующей вскрыть творческий замысел, вкладываемый им в спектакль» [12, с. 3]. Именно режиссер порождает сценический язык, структурирует и формирует композицию спектакля, определяя его структуру.

Большую актуальность проблема «драматург – режиссер» обретает 1950-1980-годах. В это время в работе над пьесой рождались новые подходы, расширяющие границы и возможности в области сценической интерпретации и театральной выразительности. На этой почве на страницах журнала «Театр» [11, с. 42] возникает занимательный художественный спор между двумя классиками отечественной режиссуры Н. П. Охлопковым и Г. А. Товстоноговым, где в центре полемики прослеживается тема дозволенности и границах режиссерского освоения и присвоения драматургического произведения. То, что одни считали недопустимым в работе над пьесой, другие оправдывали современными мировыми тенденциями и реалиями времени.

Спор вышел за границы полемики двух режиссеров, и в нем участвовала вся театральная и литературная общественность. Так в 1976 году на страницах «Литературной газеты» И. Л. Вишневская в статье «Классика: границы и безграничность» указывает на то, что «наступил новый этап в сценическом освоении классики»: «Этап более глубинный, я бы сказала, “синтетический”, когда не вычленяются, а объединяются под одной “крышей” классического произведения все его темы, мысли и жанры» [5, с. 8]. Антагонистом И. Л. Вишневской стала Н. А. Велехова, которая призвала «защитить Чехова, как защищают у нас великую красоту архитектуры, лесов и заповедников природы» [4, с. 4]. Дискуссия и спор по границам интерпретации продолжалась еще очень долго: «Антилаг: плюсы и минусы» (Литературная газета, 1977, июль-ноябрь); «Творческий процесс: обретения и потери» (Советская культура, 1980, октябрь-декабрь); «Театр 60-х: сегодня и завтра» (Советская культура, 1982, январь-март). Но, в долгой дискуссии, к сожалению, однозначного решения так не было найдено.

Что сегодня можно сказать об этой проблеме? Попробуем проследить тенденцию на постановках по пьесам одного из величайших драматургов – У. Шекспира. Обозначим рубеж в 20 лет (2000 – 2020 гг.). Просматривая спектакли данного периода, а это: Д. Кэйрда, «Отелло», «Макбет» А. Утеганова, «Король Лир» Р. Смирнова, «Без Лира», «Next: Шекспир, или Что ему Гекуба?» Д. Корогодского, «Король Лир» Л. Додина, «Король Лир», «Макбет. Кино», «Отелло» Ю. Бутусова, «Мавр». Г. Стрелкова, «Гамлет» В. Фокина, «Король Лир» А. Шапиро, «Гамлет» В. Рецептера, «Король Лир» К. Богомолова, «Гамлет/Коллаж» Р. Лепаж, «Макбет» Л. Персеваль, «Гамлет» Р. Габриа, «Макбет» К. Гарбачевский... (список может длиться), невольно ловишь себя на мысли, что отношения «драматург – режиссер» стали еще запутанней. Тут можно говорить о возникновении новой парадигмы.

Напомню, мы говорили о драматурге, как первооснове и диктаторе сценического воплощения, затем возникает режиссер, который перехватывает пальму пер-

венства у драматурга, становясь транслятором собственных идей. «<...>, я беру написанный текст и как-то его преломляю через себя. Не знаю, хорошо это или плохо» [3] – говорит Ю. Бутусов. Вот еще: «Важно понимать: идти за классической репрезентацией Чехова или Уайльда ни к Богомолову, ни к Серебренникову не стоит. Они – режиссеры поколения постмодерна. Их спектакли можно назвать чем угодно: философской метафорой, сатирой на современность, авторским перформансом, но уж точно нельзя сказать, что они являются дословным пересказом того или иного текста» [8].

Говоря о новой парадигме, надо помнить, в начале XX века, а затем и в его последней четверти, режиссура по части взаимодействия с драматургическим текстом начала развиваться в нескольких направлениях.

Первое, о чем уже говорилось выше – приоритет драматурга над режиссером, который заключается (*в упрощенном понимании*) в анализе драматургического текста и переложении его на действенную структуру спектакля. В частности, можем говорить непосредственно о «словесном действии», где посредством логики текста ищется верное сценическое действие. Яркими представителями этого направления были К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко.

Второе направление – понятие «авторская режиссура», где пьеса являлась источником для формирования ткани спектакля как ряда визуальных поэтических и музыкальных образов. К представителям данного направления можно отнести Г. Крэга, А. Таирова и Вс. Мейерхольда.

Вс. Мейерхольд, являясь последователем «условно-поэтического театра», возникшего на почве поиска новых форм, вырабатывает «несколько принципов в работе с пьесой».

- *принцип выработки словесной и пластической структуры, отраженной в ткани спектакля (жест, поза, слово);*
- *принцип реализации авторской эстетики через домысливание авторских ремарок («Балаганчик»);*
- *принцип создания атмосферы драматурга через стилизацию («Дон Жуан»);*
- *принцип художественного, исторического и биографического контекста автора. Режиссер раскрывает через пьесу личную тему автора. Примером может служить спектакль «Маскарад», где Арбенин – это Печорин, с автобиографическими чертами Лермонтова;*
- *принцип фрагментарности пьесы. Режиссер сознательно делит пьесу на куски, которые воспринимаются как самостоятельные элементы спектакля;*
- *принцип смещения композиционных, текстуальных аспектов (добавление в ткань драматургического материала новых эпизодов, смещение главной линии с акцентами на второстепенные, сознательное изменение ритмики и мелодики речи, разрушение композиции пьесы);*

- *принцип дифференциации. Режиссер – «автор спектакля». Разработка на основе пьесы собственной художественной концепции спектакля, при этом дифференцируя понятия композиция спектакля и композиция пьесы» [13].*

Большинство этих «мейерхольдовских» принципов используются и развиваются современными режиссерами в своей постановочной деятельности. Тут важно отметить, что так или иначе в данных постановках драматург все же присутствует. Говоря о смене парадигмы, прежде всего отметим кардинальную разницу в постановочном процессе, а именно неважность драматургического материала и личности драматурга в целом.

Примером может служить постановка Кшиштофа Горбачевского (СПб, «Макбет», 2015). Вот что пишет о данной постановке профессор Г. В. Коваленко: «Прием условия игры, заданные режиссером, предложившим эквивалент трагедии Шекспира. Она материализуется в монтаже жестов, поз, странных мизансцен, намеренно подчеркивающих разрыв с текстом, но эмоционально воздействующих, вызывая в основном отрицательные чувства» [9]. Обратим внимание на фразу: – «намеренно подчеркивающих разрыв с текстом», можно сказать, что не только разрыва, а и самого текста У. Шекспира как такового нет. «Горбачевский, в своих постановках не расстающийся с экранами и видеокамерами, здесь желанный гость. Ни рок, ни предательство, ни жажды власти, ни другие сюжеты, которые при желании можно вчитать в трагедию Шекспира, не занимают режиссера так, как актуальные темы технологического века, с «Макбетом» напрямую не связанные: информация, которую мы потребляем, и способы ее донесения» [15].

Итак в этой постановке есть: видеокамера реального времени, есть батут, фигуры уродливых зверей, замкнутая комната, являющаяся зрителю только через экран. Есть имена персонажей из пьесы У. Шекспира «Макбет», но нет У. Шекспира, нет текста пьесы. К. Горбачевскому важно показать китчевость нашего времени – допустим! Мы можем допустить трансформацию текста великого драматурга, но мы не можем допустить отсутствия смыслов в спектакле и видеть лишь констатацию современных реалий, только лишь констатацию.

Ульям Шекспир не стал бы великим драматургом, если бы его произведения не были наделены множеством жизненных и философских смыслов, а являлись только констатацией фактов. Говоря о смене парадигмы, следует отметить, что театр сегодня перестает заниматься своей главной темой – Человеком. Поэтому драматург становится *не нужен*.

Еще одним примером может стать спектакль К. Богомолова «Гамлет in Moscow». Отдадим должное, в афише прямо написано: «ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ШЕКСПИРА ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С БОГОМОЛОВЫМ». А от него там не осталось ничего, кроме кладбища. Снова мы видим стремление показать гиперболизированные реалии нашего существования, при этом человек – это «мусор». Зачем тут фраза: «Быть или не быть?», у К. Богомолова она есть, но перевернута. «Поэтому закономерный для этого произведения вопрос: “To be or not to be” (быть или не быть, в

данном случае, Шекспиру) зритель может вроде бы и не задавать. Тем более, что у Богомолова и его героев это вопрос (и соответствующая надпись) возникают где-то в середине спектакля и в перевернутом виде, отчего смысл этой фразы, естественно, кардинально меняется. Причем в традиционную для Богомолова плоскость опошления» [7].

«Стёб», как оправдывают такие спектакли некоторые из критиков, возможен, если он позволяет заглянуть внутрь человека, если человеческие взаимоотношения являются стержнем данного действия. Обычно в этом режиссеру помогает хороший драматург, который в своих пьесах всегда затрагивает вечные темы. Но сегодняшнего «продвинутого» режиссера не волнует психологическое осмысление связи человека и мира, осмысление вечных тем. Тем, чья особенность состоит в их практической неисчерпаемости, так как они будут всегда актуальными. Сколько вариантов их раскрытия не было, каждый раз остается что-то недосказанное, что поддается совершенно иной интерпретации в новых исторических условиях. «Продвинутому» режиссеру нужно «шоу» – «Хлеба и зрелиц», причем, «хлеб» будет есть режиссер, а «зрелицем», не всегда содержательным, наслаждаться зритель.

В складывающейся парадигме постановочного процесса, содержание носит только утилитарный характер, полностью подминается под нужды режиссера, следовательно сохранять и гнаться за смысловыми нагрузками выстроенного и выверенного текста драматурга нет нужды. Из драматургии не вытаскивается даже тема, заложенная автором произведения. Из этого следует, что драматург не нужен. Вернее, он нужен, но только как символ, как приманка для доверчивого зрителя. Учитывая вышесказанное, можно резюмировать, что взаимоотношения между режиссером и драматургом вышли на новую ступень: «режиссер-сам себе драматург».

Часто в театральных кругах можно слышать, что классика устарела и неинтересна, она требует нового подхода. Конечно, требует! Другое общество, другое мировоззрение, другие условия труда и жизни. Да, все другое... Только вот, человек – всё тот же. Как не вспомнить знаменитую фразу из произведения М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: – «Люди, как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... <...>. Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...» [2, с. 256]. Следовательно, новый подход – это не разрушение авторской темы и идеи, это поиск новых смыслов, через призму авторского видения с режиссерским преломление относительно контекста времени постановки.

Складывающаяся парадигма обращения с драматургом, убивает не только автора. Хотя, постмодернизм давно объявил о его смерти (читаем: Р. Барт «Смерть автора» [1]), но убивает всю смысловую и идейную составляющую произведения. Режиссер пытается навязать смыслы, которых нет у драматурга, отсюда ему (режиссеру) приходится дописывать текст, скрещивать с другими авторами или нарезать текст построчно, чтобы уложить в свое «прокрустово» ложе. Содержательная

часть выкидывается полностью, потому что идет в ярое сопротивление с задумкой режиссера. Можно еще раз вспомнить цитату Г. Крэга, в которой он говорит, что драматург будет не нужен и театр явит собственное «искусство» и исполнение, но почему-то в настоящее время мы наблюдаем за тенденцией как режиссеры, проявляя или, точнее сказать, являя свое «искусство», трусливо прячутся за авторов и образы ими созданные, которые прошли закалку многими десятилетиями, а то и веками.

Сегодня редко можно увидеть постановку, где режиссер трепетно обращается с автором, особенно если этот автор отдален от нас многими веками. Он не может себя защитить от произвола, он становится не ретранслятором идей и смыслов, а только лишь поводом. Хорошо если этот повод имеет высокохудожественную ценность, а не является «китчем» или просто «куражом» режиссера.

Поднимая проблему взаимоотношения режиссера и драматурга, нельзя все рисовать только белой или черной краской. Эти взаимоотношения имеют эволюционный характер. И режиссер имеет право на драматургию спектакля, как и драматург на режиссуру спектакля. Говоря об эволюции взаимоотношений достаточно вспомнить работы таких знаменитых людей как: Э. Золя, М. Метерлинка, А. Блока, Р. Вагнера, М. Бахтина и многих других. Так, М. Метерлинк, А. Блок и В. Брюсов формулируют принципы эстетики символизма, которые широко используются в режиссерской работе. Э. Золя считают основоположником эстетики натурализма, в результате возникают иные художественные и эстетические требования, которые затронули как режиссеров, так и драматургов.

О вопросах синтетического театра говорится в трудах Р. Вагнера (*теория «тотального театра»*). Где природа синтетического театра – способ воздействия на различные каналы зрительского восприятия.

М. Бахтин в своих работах отражает принцип возрастания роли художественного произведения, рассматривая механизмы взаимоотношения между режиссером (реципиентом) и классическим произведением (пьесой). Режиссер интерпретируя пьесу, расширяет границу художественно-семиотического пространства. У. Эко такой процесс называет – «актуализация художественного текста».

Можно привести еще много примеров теоретиков и практиков театрального искусства, которые в своих изысканиях, исследуя природу взаимодействия режиссера и драматурга, находили множество аргументов в пользу диктата одного или другого. Но, до сегодняшнего дня, практически все были согласны в одном: при абсолютной самобытности режиссера, всегда присутствует процесс отражения самобытности автора-драматурга. В любой постановке должно происходить сосуществование режиссерского и авторского (писательский) смыслов. Между этими смыслами должна быть «связующая нить», которая приводит к объединению, а следовательно, усилиению смысловой нагрузки.

Мы не можем не отметить, что законы драматургии не всегда коррелируются с художественным замыслом режиссера и законами сцены. К примеру В. Г.

Сахновский вводит понятие «режиссерский экземпляр», при этом мы имеем и «авторский текст», возникает два пространства: драматурга и режиссера. Эти художественные пространства находятся в постоянной взаимосвязи. В. Г. Сахновский определяет равными соавторами постановки как режиссера, так и драматурга. Преувеличение одного над другим приводит к деформации художественной целостности постановки.

Создавая свое художественное полотно на основе драматургического произведения, режиссер не должен и не обязан следовать за текстом автора, но уходить от автора и не следовать за ним – он не может. Иначе не произойдет расширение культурно-исторических границ, а проблематика постановки окажется только в плоскости вкусовых пристрастиях режиссера. Что мы можем наблюдать в постановках по пьесам У. Шекспира: К. Горбачевский («Макбет», 2015г.); К. Богомолов («Гамлет in Moscow», 2022г.); Д. Корогодский («Next: Шекспир, или Что ему Гекуба?», 2014г.); К. Серебряников («Сон в летнюю ночь», 2012 г.); А. Прикотенко («Sociopath / Гамлет», 2017г.); авторская группа – Н. Хрущева, А. Артемов, С. Илларионов («Фунт мяса», 2016 г.) – список может длиться.

В этих постановках У. Шекспир – не автор текста, не соавтор спектакля, он – антураж, приложение, причем не всегда нужное. Вот что говорит К. Серебренников: *«Русский театр все ещё очень логоцентричен, зависим от слова, от пьес, от литературы – слово нас инспирирует, наталкивает на какие-то мысли. Но я постепенно стараюсь изжечь из себя эту зацикленность на литературе и мыслить даже не картинками, а визуальной пластикой»* [6]. Для того что бы мыслить «визуальной пластикой» есть совершенно конкретное искусство – балет! Банальностью звучат сентенции, что пьеса – это только слова, только буквы. Пьеса – это прежде всего смыслы, далее – характеры и дух времени.

Режиссеры «новаторы» считают, что пьеса подавляет их личность, пьеса мешает проявлять индивидуальность, мешает стать, как они это называют – автором. Если Вам не нужен драматург, не нужна хорошая пьеса, то пожалуйста, творите на пустом месте. Но, так не выйдет! В математике есть правило: ноль, на что бы ты ни умножал, будет ноль. Пустота – ноль, а следовательно на пустом месте, будет пустота.

Поэтому «режиссерам-авторам» приходится все равно прибегать к У. Шекспиру, А. Чехову, А. Островскому и т.д., они паразитируют на их творчестве, создавая «как бы» новое и актуальное, но всего лишь «как бы». Хотя, «режиссеры – сами себе драматурги» говорят о том, что драматурги, да и другие «около» театральные люди не понимают сущности театра, не понимают, что такое современность и актуальность, у нас ретроградное мышление. Может быть. Позволю резюмировать словами человека театра: *«Если театр не занимается человеком, анализом событий, явлений, то нужно закрыть этот театр. Я хочу сказать вот о чем: пошлисть, невежество, хамство желают примкнуть к современности... У всех желание к самовыражению. А кому это интересно? Ты вырази автора. А именно:*

“Ты – ничто. Ты – исполнитель. Ты – вторичен”. Может, когда-то ты станешь Художником. Сначала раскрой автора. Тогда не надо будет придумывать что-то такое, что часто я вижу на сцене: приблизительность игры, поверхность, безалаберность, бескультурье. Это повсеместно» (Туминас Р.) [15].

Список литературы:

1. Барт Р. Смерть автора [Электронный ресурс] // Информационный ресурс <https://24center.ru> [сайт]. URL: https://24centre.ru/uploads/files/Publicisticheskie/Smert_avtora.pdf?ysclid=lottkthobl569013770 (дата обращения: 21.10.2023)
2. Булгаков М. А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / Подгот.Мн.: Маст. л.т. 1970. ст. М.О. Чудаковой. Мн.: Маст.лит., 1990.— 656 с.
3. Бутусов Ю. Н. Театр возникает там, где есть драматург, новый язык. Режиссёр с этим работает и рождается новый театр [Электронный ресурс] // Информационный ресурс <https://otr-online.ru> [сайт]. URL: <https://otr-online.ru/programmy/kulturnii-obmen-s/yuriy-butusov-teatr-voznikaet-tam-gde-est-dramaturg-novyy-yazyk-rezhissyor-s-etim-rabotaet-i-rozhdaetsya-novyy-teatr-36809.html> (дата обращения: 01.12.2020)
4. Велехова Н. А. Золотой бампер: Стоит ли «перекраивать» Чехова //Литературная газета, 1976, 28 июля. 16 с.
5. Вишневская И. Л. Классика: границы и безграничность // Литературная газета. 1976. 26 марта. 16 с.
6. Долин А. В. «День сурка, год сурка, век сурка» Интервью Кирилла Серебренникова. [Электронный ресурс] // Информационный ресурс <https://meduza.io> [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2021/07/06/den-surka-god-surka-vek-surka> (дата обращения: 21.10.2021)
7. Иванова Э. Д. Культурные вечера «Гамлет in Moscow» в Театре на Малой Бронной. Шекспир ли это после Константина Богомолова? [Электронный ресурс] // Информационный ресурс <https://dzen.yandex.ru> [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/YsXFhxCvAmj1Tv4t> (дата обращения: 21.10.2023)
8. Изотова Ж. В. Богомолов VS Серебренников: о разнице двух театральных режиссеров [Электронный ресурс] // Информационный ресурс <https://zen.yandex.ru> [сайт]. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5a65c154c5feafb27c4c5d89/bogomolov-vs-serebrennikov-o-raznicy-dvuh-teatralnyh-rejisserov-5e4e68dd5bdc2e1b307d7c84?utm_source=serp (дата обращения: 01.12.2020)
9. Коваленко Г. В. «Макбет и Пустота» // СМИ: Независимая газета, 04.10.2015
10. Крэг Э. Г. Воспоминания, статьи, письма / Сост. и ред. А. Г. Образцова и Ю. Г. Фридштейн, вступит. ст. А. Г. Образцовой, comment. Ю. Г. Фридштейна, перев. с англ. В. В. Воронина, Г. Г. Алперс, В. Я. Виленкина, Ю. Г. Фридштейна, А. Д. Ципенюк. М.: Искусство, 1988. 399 с.

11. Охлопков Н. П. Об условности // Театр. – 1959. - № 11. С.58; Охлопков Н. П. Об условности (окончание) // Театр. – 1959. - №12. С.52; Товстоногов Г. А. Открытое письмо Н. Охлопкову // Театр №2, 1960.
12. Ряпосов А. Ю. Режиссерская методология Мейерхольда. 2. Драматургия мейерхольдовского спектакля: мысль, зритель, театральный монтаж. СПб.: РИИ, 2004. 287 с.
13. Слесарь Е. А. Режиссер-драматург: модели их взаимоотношений в зарубежном и отечественном театре конца XIX-XX веков: диссертация на соискания ученой степени кандидата искусствоведения. СПб., 2006
14. Туминас Р. «Я верю, что воображение творит». [Электронный ресурс] //Информационный ресурс <https://vakhtangov.ru/>[сайт]. URL: <https://vakhtangov.ru/news/3139/?ysclid=lotofsmox497480280> (дата обращения: 21.10.2023)
15. Хитров А. Г. «Новая сцена Александринского театра открыла сезон «Макбетом» Кшиштоф Гарбачевского» // СМИ: Ведомости, 15.10.2015

УДК : 130.2

С. И. Сулимов

(д. филос. н., доцент)

Воронежский государственный университет

(г. Воронеж, Российская Федерация)

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

И. В. Черниговских

(к. филос. н., доцент)

Воронежский государственный университет инженерных технологий

(г. Воронеж, Российская Федерация)

E-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

МИДИЗМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. Данная работа посвящена установлению роли в межкультурных взаимодействиях такого явления как мидизм. Под данным термином понимается некритическое, нередко восторженное восприятие чужой культуры. Опираясь на исторические факты, авторы доказывают, что единственной нормальной для любого общества позицией является патриотизм, а мидизм представляет собой нежелательное отклонение.

Ключевые слова: межкультурные взаимодействия, мидизм, патриотизм.

S. I. Sulimov

(Doctor of Philosophical Sciences, associate-professor)

Voronezh state university

(Voronezh, Russia)

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

I.V. Chernigovskikh

(Candidate of Philosophical Sciences, associate-professor)

Voronezh state university of engineering technologies

(Voronezh, Russia)

E-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

MIDISM AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

Annotation. This work is devoted to establishing the role in intercultural interaction of such a phenomenon as Midism. This term refers to an uncritical, often enthusiastic perception of someone else's culture. Drawing on historical facts, the authors prove that the only normal position for any society is patriotism, and Midism is an undesirable deviation.

Key words: intercultural interactions, midism, patriotism.

С тех пор, как существует цивилизация, общества вступают друг с другом в отношения межкультурного обмена. Такие отношения имеют множество форм: от навязываемой соседям культурной ассимиляции до культурной диффузии, нередко незаметной её участникам. Межкультурные контакты вполне могли существовать и прежде возникновения первых цивилизованных обществ, но в ту далёкую эпоху их никто не фиксировал и не осмысливал, да и, вероятно, дикиари вряд ли могли друг другу предложить что-нибудь в процессе культурного обмена.

Представители цивилизованного общества реагировали на знакомство с непонятной им, но развитой культурой всегда чутко, но не всегда одобрительно. Ведь межкультурное взаимодействие подразумевает проникновение чуждого элемента в гармоничный культурный комплекс, и далеко не факт, что этот элемент будет соответствовать общему стилю принимающей стороны. При этом иногда знакомство с чужой культурой сопровождается излишней, неуместной восторженностью. Такое явление знакомо исследователям со времён античности и носит название *мидизм*. В данной работе мы предпримем попытку выявить историческую роль мидизма и установить его соотношение с патриотизмом и космополитизмом.

Впервые термин «мидизм» прозвучал в контексте греко-персидских войн [1, с. 17]. Дело в том, что соседство эллинских полисов с монархией Ахеменидов далеко не исчерпывалось военным противостоянием, и в восточных землях нередко вели дела греческие купцы, а в полисы Эллады часто приезжали персидские дипломаты. Поэтому греки неплохо представляли культурный облик своих азиатских соседей, хотя и трактовали его не всегда верно.

В ту же эпоху обнаружилось, что некоторые греки очарованы восточными обычаями и политическими принципами и совсем не против перенять некоторые из них. К примеру, долгое время служивший в Малой Азии греческий наёмник Ксенофонт, вернувшись в Элладу, написал книгу «Киропедия», в которой восхвалял персидские педагогические принципы. Правда, вскоре выяснилось, что восторгающиеся восточной монархией эллинские государственные деятели вовсе не против того, чтобы содействовать персидскому шаху в его внешней политике или даже шпионить для шахской разведки. В частности, спартанский военачальник Павсаний и афинский флотоводец Фемистокл были уличены в подготовке переворота, который позволил бы им отдать Элладу под власть персидской короны, а самим получить звания губернаторов (сатрапов) [2, с. 289]. С тех пор для античных писателей и читателей слово «мидизм» обрело негативный оттенок: поскольку греки называли персов «мидийцами», то «мидизм» стал означать что-то вроде «персоподобия».

В дальнейшей истории цивилизации мидизм вовсе не исчез, хотя уже не имел прямого отношения к межкультурным взаимодействиям Запада и Востока. В случаях, когда цивилизованное общество встречалось со своими варварскими соседями и навязывало им культурный диалог, мидизм приобретал двусторонний характер. Познакомившийся с цивилизацией и её материальным изобилием варвар нередко стремился войти в ряды цивилизованного общества, что, правда, превращало его в культурного ренегата с точки зрения земляков и соплеменников. К примеру, одним из соратников Юлия Цезаря в его Галльской войне был кельтский аристо-

крат Дивициак, после войны занявший привилегированное положение при римской администрации в оккупированной Галлии [3, с. 17].

В свою очередь некоторые цивилизованные эрудиты, обычно далёкие от варварского фронтира, создавали литературный образ «благородного дикаря», никак не соотносящийся с реальными варварами, но выглядящий как яркая антитеза пороков и изъянов цивилизованного общества. Например, в эллинистическую эпоху существовала Александрийская литературно-философская школа, буквально штампующая идиллические произведения о скифах и кельтах, в которых варвары представляли носителями подлинной мудрости и совершенного общественного устройства [4, с. 126].

Кто же выигрывал от взаимного мидизма в большей степени – очарованный цивилизацией варвар или цивилизованный утопист? Думается, что большим реалистом и поэтому большим бенефициаром такого межкультурного взаимодействия оказывался варварский прозелит, потому что в случае успеха он примыкал к реальному развитому обществу. Эрудит из большого города, в свою очередь, не получал от «благородного дикаря» ничего, потому что такого «дикаря» не существовало, а варвар-неофит порой не был против того, чтобы воспользоваться наивностью цивилизованных фантазёров.

Если же представить культурное противостояние двух и более цивилизованных обществ, то каждый из участников будет стараться навязать соседям мидизм в свою пользу. Ведь из чужаков-прозелитов в самом простом случае могут получиться надёжные шпионы, а при более утончённой стратегии через добровольных помощников можно лоббировать политические решения, выгодные не их стране, а донору культуры. Именно поэтому для любого развитого общества патриотическая позиция, постоянно транслируемая в педагогике и искусстве, является важным условием собственного выживания.

Зададимся вопросом, к каким результатам может привести мидизм цивилизованного человека, увлечённого чужой культурой и оценивающего её выше, чем собственную? Если предположить, что на ареал одного цивилизованного общества действительно переселятся представители иной цивилизации, то им почти наверняка придётся ассимилироваться. Русская история знает наглядный пример такой ассимиляции, когда в середине XVIII в. в российской императорской армии были отменены привилегии для иностранных офицеров [5, с. 105]. И немецкие авантюристы в одночасье из непогрешимых персон превратились в обычных командиров, служба которых зависела от профессиональных навыков и умения находить понимание с коллегами.

В результате множество таких переселенцев в скором времени осваивало разговорный русский язык, меняло немецкие имена на русские, обзаводились отчествами, и даже инициатор отмены привилегий для иностранцев, фельдмаршал Бурхард Кристофф Миних переименовался в Христофора Антоновича. При этом вряд ли кто-нибудь из обруsevshih немецких офицеров восхищался русской культурой или спешил с ней знакомиться; эти люди просто жили среди русских и постепенно привыкали к местному стилю жизни. Кто-то из них переходил в православие, кто-то оставался лютеранином, а в их детях иностранными были лишь фа-

милии. То есть это был не мидизм, а аккуратная, ненавязчивая ассимиляция. Зато русских дворян знакомство с западной культурой по книгам привело к мидизму невиданного размаха. Здесь было всё – от устройства поместий в английском стиле до стремления эмигрировать в Париж. Причём, такие эмигранты никогда не приживались на новой родине и часто оказывались там ещё более чужими, чем в России. По свидетельству отечественного историка В. О. Ключевского, русский дворянин, решивший стать французом или англичанином, воспринимался европейцами как некое азиатское посмешище [5, с. 359].

В результате русский «европеец», который из соображений мидизма подался в эмиграцию, был обречён стать космополитом – везде чужим, вечным странником. Неслучайно русские народники XIX в., по каким-либо причинам перебравшиеся в Европу, не ассимилировались там и продолжали обсуждать российские, а не местные проблемы. К примеру, А. И. Герцен издавал в Англии русскоязычный журнал «Колокол», который вряд ли кто-нибудь из лондонцев мог или хотел читать.

Гораздо трагичнее выглядит попытка адептов мидизма привести свою родину в соответствие с принципами, заимствованными из очаровавшей их чужой культуры. В истории России таким примером могут послужить декабристы. Это были молодые дворяне с блестящим образованием западного типа, прекрасно знакомые с последними новостями Европы и Северной Америки и, возможно, поэтому решившие совершить в России переворот и превратить её в подобие молодой заокеанской республики [7, с. 97]. Возможно, к счастью для страны мятеж 14 декабря 1825 г. не увенчался успехом. Но, может быть, всё дело в исторической случайности? Может быть, очарованные чужой политической и правовой культурой офицеры-аристократы были в шаге от того, чтобы модернизировать Россию и повести её прогрессивным путём развития? Увы, это не так.

Наглядный пример того, к чему приводят преобразования, затеваемые сторонниками мидизма, продемонстрировала новейшая история постколониальных стран, в частности, Нигерии. К тому моменту, когда Нигерия получила независимость (1960 г.), в ней успела сформироваться прослойка интеллектуалов и предпринимателей, получивших образование в метрополии (в Великобритании) и хорошо знакомых с западными политическими теориями. Предоставляя бывшей колонии независимость, британские чиновники охотно передоверили этим людям все ответственные посты. К чему же это привело? Увы, к полной анархии. Ведь руководствовавшиеся западными правовыми и идеологическими принципами прозелиты пытались принимать меры, никак не гармонирующие с реальным положением дел в Нигерии. Например, один из кандидатов в президенты издавал англоязычную газету, но большинство нигерийцев не умели читать [8, с. 42].

В результате такой «игры в Европу» страну захлестнула политическая неразбериха, открывшая дверь всепроникающей коррупции, трайбализму и племенному сепаратизму. Буквально через несколько лет после обретения Нигерией независимости ею управляли уже вовсе не исповедовавшие мидизм эрудиты, а военная хунта, щедро финансируемая компрадорскими предпринимателями. И тот факт, что военный диктатор имел генеральское звание и одевался в форму британского образца, ничуть не умалял его авторитарности и жестокости. Таким образом, можно констатировать, что мидизм в политике приводит лишь к ненужным, безрезультатным потрясениям.

Какова же роль мидизма в современном межкультурном диалоге? Следует отметить, что в глобальном мире межкультурные взаимодействия не прекращаются ни на миг и носят всеохватывающий характер благодаря всепроникающему интернету и популярному кино. Таким образом, занять позицию мидизма может любой желающий, даже если он вовсе не имеет ни образования, ни широкого кругозора. Но тот эффект, который оказывает мидизм на жизнь обществ, ничуть не изменился со времён античности. Ведь государства по-прежнему имеют собственные интересы и отстаивают их всеми возможными способами. Поэтому поклонник чужой культуры будет восприниматься соотечественниками как неблагонадёжный персонаж, тем более, что в наши дни агентурные возможности разведок значительно расширились по сравнению с древностью.

Если представить такого мидиста в роли должностного лица, то, скорее всего, управляемая им структура потерпит крушение. Ведь невозможно эффективно руководить чем-либо, ориентируясь не на реалии, а на отвлечённые чужеземные принципы. Сторонник мидизма может поступить честно – эмигрировать, но за рубежом незваного прозелита будет ждать разочарование: иностранцы вовсе не обязаны содержать иммигранта, почему-то очарованного их кинематографом. Из неблагонадёжного гражданина своей страны такой поборник чужих идеалов превратится в космополита – вечного скитальца, который нигде и никому по-настоящему не нужен.

В данной работе мы поверхностно рассмотрели историческую роль мидизма в межкультурных взаимодействиях. На различных исторических примерах мы выяснили, что мидизм в любом своём виде бесполезен для исповедующего его общества или социальной группы, а иногда – опасен. Признавая, что в мире, где все общества так или иначе влияют друг на друга, неизбежно будут встречаться культурные ренегаты, остаётся констатировать, что единственной жизнеутверждающей позицией для любого общества является патриотизм. Можно сказать, что для любой культуры патриотизм является нормой. Мидизм же представляет собой не всегда вредное, но всегда бесполезное отклонение.

Список литературы

1. Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами / Л. П. Маринович // Античная цивилизация и варвары. – М. : Наука, 2006. – С. 5-29.
2. Олмстед А. Т. История Персидской империи / А. Т. Олмстед. – М. : Центрполиграф, 2012 – 575 с.
3. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлий Цезарь. – М. : АСТ, 2007. – 750 с.
4. Широкова Н. С. Идеализация варваров в античной литературной традиции / Н. С. Широкова // Античный полис: межвузовский сборник. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – Вып. 5. – С. 124-137.

5. Керновский А. А. Философия войны. История русской армии / А. А. Керновский. – М. : Эксмо, 2023. – 704 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. – Кн. III. – М. : Мысль, 1997. – 558 с.
7. Сулимов С. И. Эволюция ценностных установок в мировоззрении русской радикальной интеллигенции: монография / С. И. Сулимов, И. В. Востриков. – Воронеж : ВГУИТ, 2012. – 170 с.
8. Глущенко Е. А. Первая Республика в Нигерии / Е. А. Глущенко. – М. : Наука, 1983. – 178 с.

Философская антропология, философия культуры

УДК: 141.82:1(091)

A. С. Армен

(к. филос. наук, доцент кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

E-mail: armenanastasiya@gmail.com

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЛИНИИ СОВПАДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена осмыслиению категории отчуждения, разработанной в марксистской философской традиции. Автор акцентирует внимание на той роли, которое играет отчуждение в распространении противоречивых явлений и тенденций общественной жизни в пространстве современной капиталистической цивилизации. Отчуждение человека от своей родовой сущности и от другого человека провоцируют социальную атомизацию, кризис человеческой идентичности, утверждение идеологии потребления, дегуманизацию межличностных отношений и пр.

Ключевые слова: капиталистическая цивилизация, отчуждение, социальная атомизация, потребление, родовая сущность, противоречие.

A. S. Armen

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

Donetsk, Donetsk People's Republic

E-mail: armenanastasiya@gmail.com

THE PHENOMENON OF ALIENATION AND CONTRADICTION OF MODERN CIVILIZATION: LINES OF COINCIDENCE

Annotation. The article is devoted to understanding the category of alienation developed in the Marxist philosophical tradition. The author focuses on the role that alienation plays in the spread of contradictory phenomena and trends in social life in the space of modern capitalist civilization. The alienation of a person from his ancestral essence and from another person provokes social atomization, a crisis of human identity, the affirmation of the ideology of consumption, dehumanization of interpersonal relations, etc.

Keywords: capitalism, alienation, social atomization, consumption, generic essence, contradiction.

Современный этап развития цивилизации характеризуется обилием противоречивых явлений и процессов в социально-экономической, политической и культурной сферах. Они были спровоцированы эпохальными историческими событиями, которые произошли в XIX-XXI вв. Под влиянием революционных изменений в науке, капитализм второй половины XIX века в достаточно короткий срок видоизменил реалии европейского социального пространства: стремительная урбанизация, секуляризация и высокие темпы развития крупного машинного производства коренным образом преобразовали всю социально-экономическую структуру общества и сферу общественных отношений. Общество позднего капитализма характеризуется тем, что капиталистические практики достигают здесь своей наивысшей интенсивности и проникают во все сферы жизнедеятельности социума, трансформируя их.

Помимо отличительных признаков экономического толка (глобализация, новое международное разделение труда, интернационализация финансов, усиление нестабильности положения работников, ускорение технологического развития, новые формы эксплуатации) такое общество характеризует атомизация, возрастающий уровень потребления, появление новых средств массовых коммуникаций, усиливающееся неравенство, накопление противоречий цивилизационного масштаба, ранее неизвестных и отсутствие перспективы дальнейшего социально-экономического развития. Последнее утверждение позволяет говорить об остром кризисе самих основ капиталистической системы производства, обусловленное приближением капитализма к пределам роста.

Что касается противоречий, заполнивших пространство современного позднекапиталистического общества – этический релятивизм, социальная атомизация, кризисное состояние института семьи, разложение морали как регулятора общественных отношений и утверждение юридической нормы в качестве абсолюта; биологизация общественных отношений и политизация биологического начала в человеке – только некоторые из них.

Отдельные аспекты кризисного состояния современной цивилизации нашли осмысление в трудах представителей самых разных областей социально-гуманитарного знания: З. Баумана, Х. Орtega-и-Гассета, П. А. Сорокина, О. Тоффлера, О. Шпенглера и других. В общественном сознании и научном дискурсе сегодня преобладают эсхатологические настроения, ведь под угрозой оказалось дальнейшее существование человеческого рода, следовательно, кризис капитализма обусловил кризис антропологический.

Философское осмысление противоречивых явлений и тенденций, характеризующих позднекапиталистическую цивилизацию требует обращения к одной из ключевых категорий на – отчуждению, так подробно разработанной на различных

уровнях Карлом Марксом. Оригинальную концепцию отчуждения К. Маркса, вскрывающую социально-экономическую природу данного феномена, позже дополнили представители неомарксизма (Д. Лукач, Э. Фромм, Г. Маркузе). Абсолютизируя отчуждение, они понимали его уже не только как идею отчужденного труда, а в смысле универсального отчуждения. Последнее проникает в социально-политическую и духовную сферы общества, проявившись, в полной мере, во фрагментации жизни и социальной атомизации, дегуманизации межличностных отношений, культуре предельного индивидуализма и эгоизма. Отчуждение обнаруживает себя в претенциозных попытках поиска самовыражения и мнимой уникальности (в условиях тотального господства посредственности, пошлости, унификации и массовизации), воплощаясь в культивировании различного рода социальных и культурных девиаций. Естественное стремление к эстетически прекрасному заменяет культ безобразного в искусстве, лицом современной массовой культуры становится лицо фрика (*англ. freak – уродец*), а легитимация трансгендерных переходов, половых извращений и целенаправленное уродование своего тела – одними из наиболее шокирующих форм этих самых девиаций.

Как уже было отмечено, наиболее авторитетный взгляд на проблему отчуждения, неразрывно связанную с развитием и функционированием капиталистической системы производства принадлежит К. Марксу. На уровне человеческой сущности труд у К. Маркса понимается как предметно-преобразовательная деятельность человека, в свою очередь, определяющая деятельность создаёт возможность её отчуждения.

Отчуждение предметно-преобразовательной деятельности, по К. Марксу, обнаруживает себя в четырёх формах. В философских рукописях 1844 года Маркс выделяет: 1) отчуждение человека от продукта своего труда; 2) отчуждение человека от своей жизнедеятельности; 3) отчуждение от своей родовой сущности и 4) отчуждение человека от человека [1, с. 94].

Трактовка человеческой природы и роли труда в жизни человека выражается у Маркса в понятии *родовой сущности человека*, то есть, специфической человеческой сути. Так, родовая сущность человека обнаруживается в труде как целенаправленном преобразовании окружающего природного мира, в ходе которого он одновременно изменяется и сам. Именно трудовая деятельность является «родовой деятельностью» человечества, которая выделяет человека из мира животных, деятельность которых зиждется лишь на инстинктах и сводится к удовлетворению первичных потребностей.

Человеческое существование обусловлено родовой сущностью хотя бы в силу того, что весь окружающий природный мир он преобразовывает в неограниченный источник духовных и физических сил. Животные не имеют такой возможности ввиду своей ограниченности. Если животные приспособливаются к окружающей среде, оставляя ее неизменной, то человек стал приспособливаться к ней посред-

ством все более интенсивной ее модификации. Человек создает мир артефактов, мир надприродной реальности не только для потребления, но и для созерцания.

Именно в родовой деятельности, по Марксу, конституируется истинная, целостная неотчужденная общность людей и то, что «действительным, осознанным и истинным бытием является общественная деятельность» [2, с. 23]. Следовательно, если сама человеческая сущность коренится именно в общественной деятельности, то сами люди творят и созидают ее посредством этой своей собственной деятельности. «Люди, – пишет Маркс, – в процессе деятельного осуществления своей сущности творят, производят человеческую общественную связь, общественную сущность, которая не есть некая абстрактно всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством» [2, с.24].

Утрата родового начала низводит предметно-преобразовательную (трудовую) деятельность его к его животному содержанию, смысл которого заключается в индивидуальном поддержании собственных физических сил и удовлетворении чисто материальных потребностей. Человек в таком положении и при таком способе организации жизнедеятельности уже уподобляется животному, ибо актуализирует свое истинное существование только через удовлетворение чисто материальных потребностей. «В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае расположившись у себя в жилище, украшая себя и т. д., да в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным» [1, с. 91]. Подлинная же родовая сущность человека оказывается «оторванной» от него самого. Это приводит к еще большему отчуждению человека от своей сущности и, вообще, общественных отношений. «Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека. Отчуждение человека, вообще любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется лишь в отношениях человека к другим людям» [1, с.94].

Небезынтересным является тот факт, что помимо аспекта межличностного взаимодействия в рассмотрении отчуждения, К. Маркс обратился к проблеме взаимодействия человека с окружающими его вещами, в чём также видел следствие отчуждения. Критические рассуждения о девиантности процесса фетишизации вещей встречаются в работах К. Маркса в связи с критикой частной собственности: «...его (владельца) семейная генеалогия, история дома и т. д. – все это индивидуализирует для него его земельную собственность, превращает её форменным образом в его дом, персонифицирует её» [1, с.81]. Впоследствии это приводит к такому положению человека в обществе, когда его начинает определять вещь: «вещи задают общественную иерархию. Одним словом, они господствуют в гиперреализо-

ванном мире» [3, с.58]. Очевидно, что ещё в XIX веке К. Маркс предрекал появление общества потребления, где социальный статус индивида будет определяться вещью или потребительской способностью.

Формирование общества потребления является закономерным явлением позднекапиталистической цивилизации (и одновременно, показателем его скорого разложения). Характерные для него модели поведения и социализации, а также потребительские практики, во многом обусловили распространение тенденции социальной атомизации. Именно коммерциализация всех форм социального взаимодействия является одной из самых значимых причин индивидуализации общества и разрушения социальных связей.

Так, один из главных культурных принципов в эпоху Возрождения, сегодня обретает «градус» крайнего индивидуализма, где самодостаточность и автономность подменяются меркантильностью и эгоцентризмом. Индивидуализм упрощается и как понятие, и как средство целеполагания. Человек перестает быть микрокосмом, то есть, целым и частью целого, малой моделью макрокосма – как это мыслила античная философия. Субъектом творения, «соперником Бога», demiургом творческого освоения мира – как он понимался в философской мысли, начиная с Возрождения, в классике Просвещения и философии романтизма. Он утрачивает какие-либо качества, сообщаемые ему субъектом культурно-исторического процесса и становится отдельным индивидом, отделённым от других таких же отдельных индивидов, атомизированной единицей в разобщенном пространстве. В нём присутствуют лишь частицы – биологические существа, не выражющие никаких гражданских и социально-интегративных качеств.

Именно индивидуализм, а не автономность и способность к субъективному выбору и суждению, свободе воли, выступает основой потребительства, формирующего общество потребления, в котором, в свою очередь, потребительство – единственное конституирующее звено. Подобное общество без любых других значимых целей, ценностей, связей тиражирует индивидов-потребителей, испытывающих друг к другу в основном экономический интерес. Это общество экономических инстинктов, в основе своей – разрушительных. В результате, хищнические инстинкты институализируются, и в разделенном обществе складывается такой социальный результат, к которому никто по отдельности не стремился.

По сути, отчужденный индивид ищет спокойствия и реализации в мире вещей и бесконтрольного удовлетворения постоянно растущих запросов, ничего общего не имеющих с поддержанием оптимальных условий жизнедеятельности. Утрата человеком своей родовой сущности лишает подлинного смысла само человеческое существование. Способность человека развиваться интеллектуально и духовно, создать и самосовершенствовать уничтожают рутинный труд и обыденность. В процессе отчуждения изменяются отношения между рабочими. Работа утрачивает совместный характер, и люди становятся изолированными друг от друга. Конкуренция, поиск экономической выгоды, погоня за прибылью, желание обладать од-

ними и теми же материальными благами становятся ведущими мотивами деятельности. Такая ситуация возникает как следствие социального неравенства. Отчужденный индивид перестаёт быть целостной личностью – всего лишь абстрактный личностный набор, качественное наполнение которого зависит от поворота рыночного механизма. Труд рабочего, его результаты и сам работник становятся принадлежностью Другого, в следствии чего происходит потеря, утрата самого себя. Наиболее ярко это проявилось в кризисе человеческой идентичности, в том числе, культурной, религиозной, этнической и, даже, гендерной. Как результат предстают социальное одиночество, утрата смысложизненных ориентиров и целеполагания, распространение новых форм взаимодействия полов, разрушение традиционного гендерного порядка и института семьи.

Традиционно, залогом социального единства людей выступает духовно-нравственная сфера общества, наличие разделяемых неким большинством моральных ценностей. Если традиционные культуры, как правило, демонстрировали консолидацию, то современная массовая культура актуализирует удовлетворение индивидуальных желаний, потребностей и целей. Ценность индивидуализма в современном обществе возводится в культ, отвлекая индивида от серьезных общественных проблем и обращая его внимание исключительно в сферу личного переживания, что приводит к ослаблению социальных связей, к потере социальной системой своей первоосновы – социальности.

Таким образом, основополагающая ценность либеральной идеологии – индивидуальная свобода и автономия, в таком обществе провоцирует культурную аномию, социальную атомизацию, эгоизм и разрушает традиционные связи, превращая общество в совокупность предельно индивидуализированных человекоединиц, составляя теперь так называемое «внеморальное единство» [4, с.112]. Видимое единство, по сути, оказывается разобщенностью. Необходимо выделить характеристики этой самой асоциальности (ложной социальности) и антиобщности, которая явилась реальностью позднекапиталистической цивилизации.

В первую очередь, стремительно утрачивают свое значение ценности колlettivизма, сопричастности к общему делу, солидаризму, труда ради благой общественной, а не индивидуальной цели, подвергаются критике левые идеологии и политические режимы, усиливаются тенденции секуляризации в христианских обществах, так как основа христианства – единство и равенство людей перед Богом, разрушаются институты общественной статики (в первую очередь, институт семьи). Во-вторых, ценности индивидуализма (абсолютная свобода, нравственный релятивизм как проявление демократического плюрализма и т.п.), составившие идею современной массовой культуры и проникшие во все сферы жизни, включая приватную, устраниют понятие общественного блага, политической воли и общественно-полезного труда из сознания индивидов.

Так, современная культура утверждает господство социального равнодушия, индивидуального pragmatизма и гедонизма. На фоне тех вызовов и угроз, которые

явно встали перед человечеством в апокалиптическом смысле замалчивается идея консолидации и развития современной цивилизации. Из-за излишней сосредоточенности индивидов на частной жизни, происходит закат социокультурной концептуализации, делающей акцент на героике и великих целях, притягивающих всеобщее внимание, актуализирующих всеобщую активность и направляющих ее в единое, строго определенное русло.

Идеализм, мужество, готовность рисковать жизнью ради великих целей остались в прошлом. Наблюдается утверждение понятий и идеалов принципиально дегероизированных, де-глобальных, локализованных в личной сфере. Как отмечал Ж.-Ф. Лиотар, постсовременному миру присуще недоверие к метаповествованиям, глобальным идеологиям [5]. Примером является появление и распространение так называемых частных идеологий, среди которых можно выделить *феминизм* во всём его идейном разнообразии и бесконечном дроблении.

Политическая или иная идея более не выполняет свою мобилизационную функцию, ибо значимость авторитета, нормы, великой цели теряется, а стремление к гедонистическому образу жизни и вешизму повышается. Человеческое сознание лишается того, что выходит за рамки индивидуального, повседневного, бытового, низменного. Трудовая деятельность как форма самореализации, борьба за общественные и политические идеалы подменяется фиксацией на узких личных интересах. Общественное и политическое растворяются, остаётся лишь индивидуалистическое. Значимость традиционных абсолютов отступает перед сиюминутным и личным. Развитие капиталистической цивилизации привело к тому, что человек перестает быть человеком социальным или человеком политическим, то есть носителем, с одной стороны, индивидуальной воли, а с другой, консолидирующих стремлений.

Понятия политического вмешательства, предотвращения общественных угроз, патриотизма, социального целеполагания и всеобщего объединения не просто утрачивают серьезность в глазах людей, а стали подвергаться остракизму. Как уже отмечалось, рост индивидуализации в обществе вызывает общую потерю идеологических ориентиров, частные интересы становятся важнее массовых и общеклассовых.

Увеличение роли потребления в социуме ведет к изменению самих общественных отношений, где механическая совокупность разрозненных, потребительски ориентированных индивидов, утратившая социальные связи и морально-нравственные ориентиры, способна продуцировать индивидов «по образу и подобию своему» – таких же асоциальных и так же ориентированных лишь на самое себя. Асоциальность и индивидуализм выступают объединяющими индивидов ценностями, делающими их похожими, но не скрепляющими их между собой. Следовательно, глубина межличностных отношений утрачивается, они лишаются человечности и эмпатии, приобретая мимолетный характер; формируется, так называемая, поверхностная социальность. Характеризуя социум, сформированный дан-

ными отношениями, Маркс пишет: «...общество этого отчужденного человека есть карикатура на его действительную общественную связь, на его родовую жизнь» [2, с. 24].

Ценностная система подобного образца диктует необходимость соответствовать вполне конкретной модели социального поведения, где акт потребления является в большей степени актом самопрезентации, конструирования статуса, не только потребительского, но и социального. Вместе с тем, специфический характер потребления не предполагает утверждения действительно близких доверительных межличностных отношений, формирования здоровых желаний и потребностей, социально-ориентированных целей.

Таким образом, капиталистический способ производства, достигший на данном этапе исторического развития кризиса своих основ и сопутствующее ему отчуждение генерируют болезненные противоречия, каких не знала общественная история человечества. Усиливаясь по мере развития капитализма, различные формы отчуждения провоцируют разрыв общественных связей на всех уровнях взаимодействия людей, потерю взаимосвязей и детерминант внутри человеческого рода; проникновение потребительского образа мышления в сферу межличностных отношений и девальвацию гуманистической их составляющей; утрату человеком его родовой сущности и идентичности, подмены её искусственно созданной; отказ от созидательной, преобразующей реальность деятельности; нечувствительность к общественным вызовам и угрозам; стремление к беспрепятственному удовлетворению материальных потребностей и гедонизму.

Список литературы

1. Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1844 г. / К.Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Изд. второе. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – 174 с.
2. Маркс К. 1974. Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 42. С. 5-40.
3. Бодрийяр, Ж. Система вещей: пер. с фр. С.Н. Зенкина / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 2001. – 168 с.
4. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография/ под ред. Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 464 с.
5. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. – 160 с.

УДК 130.2

С. А. Селюков

(аспирант)

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(г. Белгород, Российская Федерация)
E-mail: SelyukovSA@yandex.ru

**КОНЦЕПЦИЯ «АРХАИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА» К.-Г. ЮНГА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ «КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО»**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается психологическая трактовка проблемы т.н. «архаичного человека» в работе К.-Г. Юнга «Проблемы души нашего времени». Показано, что в своей интерпретации данного понятия и при сопоставлении архаичного человека с человеком современного мира Юнг опирается на собственную теорию коллективного бессознательного и включенных в него «архетипов». Архаичная психика существует в гармонии с архетипической природой мира, тогда как современный человек утрачивает это гармоничное взаимодействие с ним.

Ключевые слова: Карл-Густав Юнг, «Проблемы души нашего времени», коллективное бессознательное, архетипы, «архаичный человек».

S. A. Selyukov

Belgorod State National Research University

(postgraduate student)

(Belgorod, Russian Federation)

E-mail: SelyukovSA@yandex.ru

**CONCEPT OF «ARCHAIC MAN» K.-G. SHIP'S BOY
IN THE LIGHT OF THE THEORY OF THE «COLLECTIVE UNCONSCIOUS»**

Annotation. This article examines the psychological interpretation of the problem of the so-called "archaic man" in the K.G. Jung's work "Problems of the soul of our time". It is shown that in his interpretation of this concept and in comparing the archaic man with the man of the modern world, Jung relies on his own theory of the collective unconscious and the "archetypes" included in it. The archaic psyche exists in harmony with the archetypal nature of the world, whereas modern man loses this harmonious interaction with it.

Key words: Carl-Gustav Jung, "Problems of the soul of our time", collective unconscious, archetypes, "archaic man".

Актуальность темы настоящей работы не вызывает сомнений. Она обусловлена тем фактом, что, несмотря на десятилетия, прошедшие со времен гениальных прозрений Карла-Густава Юнга, рассматриваемые им проблемы индивида и его души сами по себе остаются остро злободневными – возможно, их острота со временем даже возрастает. Ведь сегодня уже невозможно не замечать кризисный характер ситуации, в которой оказалось и человечество, и весь мир. Кризис подразумевает необходимость и неизбежность трансформаций и перемен в обществе и в самих людях. Направление же этих изменений будет во многом определяться тем, насколько глубоко человек и человечество научатся отслеживать и понимать процессы, происходящие в человеческой психике.

Изначально формирование психологического знания как знания научного было ориентировано на психические процессы, связываемые преимущественно с работой сознания, с которым психика долгое время практически отождествлялась. Положение кардинально изменили революционные открытия Зигмунда Фрейда в начале XX века. Можно по-разному относиться к отдельным деталям концептуально-теоретических построений Фрейда – таким как фрейдистский «пансексуализм», провозглашаемое Фрейдом существование танасического «инстинкта смерти» и т.п. Однако сегодня уже можно считать бесспорным прорывом то внимание, которое фрейдовская психология «перенаправила» на бессознательные психические процессы, которым во многих отношениях починяется человеческая жизнь. Одним из значимых последствий этого открытия стало то, что все последующее развитие психологической науки уже базируется на признании бессознательных содержаний человеческой психики фундаментальным механизмом ее активности.

Карл-Густав Юнг был одним из самых блестящих учеников Фрейда, хотя впоследствии он и разошелся с ним по определенным вопросам и создал собственное направление в психологии. Которое он, очевидно по аналогии с психоанализом Фрейда, обозначил как «аналитическая психология» и которую сегодня принято называть юнгианской психологией. Этот подход и сегодня остается одним из наиболее востребованных направлений современной психологии и психотерапии. Подход Юнга к пониманию человека и его психики отличался от фрейдовского по некоторым весьма существенным показателям. Тем не менее, Юнг развивал именно традицию, восходящую к его учителю, в первую очередь – представление о доминирующей роли бессознательных содержаний в психической деятельности индивида. Даже положения, получившие широкую известность именно как юнговские инновации («коллективное бессознательное», «архетипы» и др.), определенным образом перекликаются с представлениями Фрейда в области так называемого «прикладного психоанализа» – о массовой психологии и подобии закономерностей ее развития законам развития психики индивидуальной. Наиболее важным отличием собственного подхода от фрейдистского Юнг признавал «самостоятельность бессознательного» [1, с. 10].

Самый значительный вклад Юнга в разработку современных представлений о психологии бессознательного – это, безусловно, концепция «коллективного бессознательного». Другое название, которое дал Юнг этой сфере, – «объективно-психологическое»: тем самым подчеркивается трансперсональный (внеличностный) ее характер, в отличие от «субъективного бессознательного» [2, с. 77], которое включает в себя индивидуально-личностные «приобретения» [1, с. 23]. Объективный же, трансперсональный уровень бессознательного лежит в основе любых субъективных переживаний, представляя собой глубинный – абиссальный, в терминологии самого Юнга – феномен, принадлежащий, в качестве масштабной абстракции, коллективной психике (то есть психике «всего человечества в целом»), но равным образом также и индивидуальной, от которой он неотделим и в которой он репрезентируется в конкретных и уникальных формах.

Этот уровень психической организации уже по определению выступает как уровень более глубокий, чем индивидуальный. Он включает в себя предельно обобщенные и не осознаваемые индивидом «общечеловеческие, изначальные образы», «частично ожившие коллективные содержания» [1, с. 24]. Такие абстрактные бессознательные образы Юнг назвал «архетипами», от греческого слова «archetipos», означающего «пред-образ» или «первообраз». Архетип определялся Юнгом как «способ связи образов, переходящих из поколения в поколение», который «представляет собой структурные элементы человеческой психики, которые скрыты в коллективном бессознательном, общем для всего человечества» [3, с. 26].

В первые годы своей карьеры Юнг исследовал фантазии шизофреников. Юнг полагал, что эти фантазии похожи на мифические мотивы и религиозную символику, и что эти коллективные символы могут стать мостом между бессознательным и сознанием посредством трансформации либido. Интерес Юнга продвинулся дальше к мифам и символам древних религий. Фантазии и образы сновидений, по Юнгу, являются архетипами коллективного бессознательного. Юнг утверждает, что архетипы обладают нуминозным характером, который можно описать как духовный. Спиритуалистический характер архетипов важен для психологии, поскольку, когда они переживаются индивидом, они выполняют терапевтическую функцию, предотвращая «скатывание» человека в психический дисбаланс между сознанием и бессознательным [4, р. 51].

Сегодня понятие «архетип» приобрело уже поистине парадигматический статус не только в психологической науке, но даже в массовом сознании, хотя представления Юнга о коллективных формах бессознательного достаточно сложны и, конечно, не всегда понимаются близко к «первоисточнику». В рамках же самой юнгианской системы эти представления играют ключевую роль при рассмотрении любого конкретного вопроса, в том числе вопросов социокультурной проблематики. «Говоря о социально-культурных основаниях архетипа, следует обратить внимание на то, что юнговское понятие «архетип» в контексте культуры преобразуется в понятие «культурный архетип», который определяется как архаические культур-

ные первообразы, представления-символы о человеке, его месте в мире и обществе; нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей, сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценостном пространстве современной культуры» [5, с. 9]. Так, например, важная роль бессознательных процессов, имеющих по сути коллективный характер, подчеркивается Юнгом при анализе выделяемых им различий между индивидом, представляющим современную западную цивилизацию, и так называемым «архаичным человеком».

Этой проблеме К.-Г. Юнг посвятил специальную главу в своей книге «Проблемы души нашего времени», увидевшей свет в 1931 году [6]. Эта работа, представляющая собой достаточно детальное введение в юнгианский подход, до сих пор остается среди наиболее востребованных читательской аудиторией книг Юнга; ее числят среди важнейших работ не только данного автора, но и во всем корпусе имеющихся на сегодня научно-психологических книг. И не случайно именно здесь уделяется столько внимания юнговской концепции «архаичного человека», без полноценного понимания которой сложно адекватно оценить и общую систему юнговских взглядов. Ведь основная цель юнговской аналитической психологии – плодотворная работа с неврозами и неврозоподобными состояниями, ставшими настоящим бичом человечества к началу XX века.

Притом что как раз исторически сложившееся отличие (притом отличие кардинальное) «архаичного человека» от индивида современной цивилизации, как утверждал Юнг, выступает в качестве одного из мощнейших факторов развития подобных состояний. Он объясняет это в первую очередь тем, что жизнь «архаичного человека» отличалась естественностью и вытекающим из такой естественности гармоническим резонансом, существующим между архетипическим субстратом индивидуальной психики с одной стороны и коллективной – с другой. Между ними не возникало противоречия, ассонанса, ведущего к катастрофическим последствиям. Юнг говорит о таком резонансе как о «доверии» человека архаического мира к его истинной природе – то есть, в понимании Юнга, к природе архетипической. Подобное «доверие» способствовало развитию способности индивида «улавливать» специфические сигналы, которые мир (среда) «посыпает» ему в качестве поддержки или предостережения. (Здесь отчетливо прослеживаются также следы знаменитой юнговской теории «синхронии», в которой фактически стираются границы между физически-материальными и психическими феноменами.)

К настоящему же времени, считал Юнг, эта ценнейшая способность была в значительной степени утрачена людьми, и эта потеря стала главным базисом для развития подавляющего большинства современных проблем, связанных с «духовно-душевными» или «психическими» проблемами. (Сам Юнг не разграничивает строго такие понятия, как «душа» и «психика»: не случайно ведь последнее слово происходит от «псюхе», что в переводе с греческого как раз и означает «душа»). Эти проблемы, оказавшиеся к настоящему времени чрезвычайно острыми, Юнг связывает преимущественно с укоренившейся в современном человеке склонно-

стью к логически-дискурсивному мышлению, что приводит в итоге и отдельного человека, и все общество к определенной зависимости от этого способа восприятия реальности. Юнг не обесценивает рациональный подход, не говорит о необходимости отказа от него – однако он полагает, что чрезмерно рационализированное восприятие мира не соответствует естественному состоянию человеческой психики, а потому и способно нанести ей серьезный урон – в конкретных случаях, возможно, вплоть до катастрофического. Рационализация восприятия современного человека ведет к утрате им некогда существовавшей связи с архетипической природой образов бессознательного.

На Юнга оказали большое влияние представления знаменитого антрополога Люсьена Леви-Брюля о психологии первобытного человека. Однако Юнг далеко не во всем соглашается с Леви-Брюлем. Его собственные исследования, говорит он, убеждают его, что некоторые подходы французского антрополога недостаточно отражают действительную картину либо даже противоречат ей. Ведь согласно утверждениям Леви-Брюля, психика «архаичного» или «первобытного» человека в некоторых отношениях функционирует иначе, чем психика человека современного. Юнг же настаивал, что радикальных различий между способами их функционирования не существует: «... архаичная психология является психологией не только первобытного, но и современного, цивилизованного человека; однако под этим понимаются не те отдельные проявления атавизма в современном обществе, а скорее психология каждого цивилизованного человека, который, несмотря на свой высокий уровень сознания, в более глубоких слоях своей психики все еще остается человеком архаичным» [6, с. 51].

Как физическое тело человека есть тело животного, млекопитающего, к тому же включающее в себя также и множественные реликты более ранних животных форм (например, холоднокровных), – так же и психика (или «душа») представляет собой результат развития столь же множественных архаических форм. Действительно значимые различия можно обнаружить лишь в сфере представлений об окружающем мире: у первобытных и современных людей они очень разные, а именно на этих представлениях базируются важнейшие психические процессы; это вызывает иллюзию масштабных различий и в самих процессах психической деятельности. «Ничто не указывает на то, что первобытный человек мыслит, чувствует или воспринимает принципиально иначе, чем мы. Душевная функция является здесь, в сущности, той же самой. Но исходные посылки – иные» [6, с. 51].

Главное, что выделяет Юнг в восприятии реальности первобытным «архаичным» человеком, – характерная для него убежденность, что все, что происходит в мире, поддается объяснению с позиций, признающих воздействие внешних сил. И эти силы он видит преимущественно как силы магические. Архаичный человек верит в магические воздействия и в их широкую распространенность – однако причина его веры, считает Юнг, не в элементарном недостатке фактических знаний о физических причинах происходящего, как принято считать. Он способен видеть и

понимать материальные причины материальных следствий – однако остается в убеждении, что этих материальных причин недостаточно для полного объяснения того, что происходит. В то время как современному человеку вполне хватает понимания материальных причин и следствий: наличие строгого физического, эмпирического и рационального объяснения тех или иных феноменов, по его мнению, не требует никаких других аргументов. Он чувствует внутреннюю потребность знать, что все в мире, что он воспринимает органами чувств, своей причиной имеет материальные факторы. В его картине мира не только его личная среда, но весь Космос не просто подчиняется физическим законам – но полностью определяется ими.

Отдельные феномены могут не слишком вписываться в эту картину – однако, по его убеждению, они просто пока еще не получили достаточно разумного рационального обоснования; с развитием науки подобные «белые пятна» будут устраиваться: «Наша рациональная исходная посылка состоит в том, что все имеет свои естественные, видимые причины. В этом мы убеждены *a priori*. В этом смысле каузальность является для нас самой священной догмой. В нашем мире нет законного места для невидимых, произвольных, так сказать, сверхъестественных сил, разве что погрузиться вместе с современным физиком в неведомый микромир атомных недр, где, похоже, случаются диковинные вещи» [6, с. 51]. Отсюда и еще одна его принципиальная убежденность – в способности человечества господствовать над природой, подчинять ее своим желаниям, опираясь на известные физические законы.

Архаичный человек, между тем, внутренне не ощущает возможности такого «господства» над природой и миром, подобные мысли его мировосприятию попросту не созвучны. Все, чем обладают первобытные люди, представляется им доставшимся как бы по милости неких сил, гораздо более мощных и высоких по своей природе, чем их собственные. Те же высшие силы, следовательно, могут расположиться всем, что имеют люди, по собственному усмотрению, являя им таким путем свою милость либо недовольство. Юнг приходит к выводу, что обе крайние позиции – и безусловное преклонение перед высшими силами с признанием их всемогущества, и «перенесение» человеком на себя роли этих всемогущих сил, в действительности оказываются не особо обоснованными, впрочем, как и любая крайность. Главное же в том, что обе эти позиции не столько адекватно отражают положение вещей в мире и природе, сколько полностью обусловлены имеющимися убеждениями, выстроенной с детства картиной мира, то есть по существу факторами чисто психической природы.

Секуляризм современной культуры Юнг обосновывает именно этой претензией человека на господство над природным миром. Он считает, что претензия эта является малообоснованной, но приводит повсеместно к полному отрицанию не только всесилия неких «надчеловеческих» сил, но и в целом их существования, то есть к агностицизму и атеизму. Последние же, в свою очередь, ведут не только к невротизации индивида (в силу появляющегося у него ощущения «одинокости» в

этом мире), но и к последствиям в масштабах всего человеческого социума – таким как войны, глобальные проблемы, ядерная угроза и т.п. Психический механизм этой «претензии» видится Юнгу следующим. Человеческая психика интровертирует представления о «надчеловеческом», божественном, сакральном и таких его атрибутах, как всесилие и господство. Соответствующие архетипы, как образы коллективного бессознательного, воспринимавшиеся некогда в качестве внешних, теперь воспринимаются уже в качестве обоснования способности людей полностью ставить под свое управление глобальные природные и социальные процессы.

Сопоставление двух кардинально отличных человеческих картин мира – архаичной и современной – приводит Юнга к заключению, что ни одна из них не может быть абсолютно верной; но в то же время он подчеркивает, что восприятие мира архаичным человеком демонстрирует большую тонкость, глубину и сложность, чем современное. Сам он верил, что даже те природные феномены, которые имеют очевидные причины материально-физического плана, на более глубинном уровне понимания могут объясняться и более глубокими факторами, в первую очередь «психическими» или «духовными». И при таком допущении – во многом разделяемом, кстати говоря, и другом Юнга, лауреатом Нобелевской премии по физике Вольфгангом Паули, – архаичное восприятие оказывается и более адекватным и разумным: «Свою веру в силу произвола первобытный человек основывает не на пустом месте, как думали раньше, а на опыте. Группирование случаев оправдывает то, что мы называем его суевериями, поскольку и в самом деле существует вероятность совпадения необычных вещей по времени и месту. Не надо забывать, что здесь наш опыт бросает нас на произвол судьбы. Мы недостаточно наблюдательны, потому что настроены несколько иначе...» [6, с. 319].

Конечно, положения Юнга, разрабатываемые им в рамках концепции «архаичного человека», во многом остаются дискуссионными. В них можно видеть, в частности, ту же амбивалентность, которую видят некоторые исследователи в его отношении к Востоку и восточной мысли. (Что не удивительно, поскольку для западного интеллектуала первой половины XX века, каким и был Юнг, Восток в некотором смысле оставался «архаичным» – а следовательно, разделяющим плюсы и минусы «архаичного» мышления.) Тем не менее, проблема масштабной невротизации индивида и социума, подробно анализируемая Юнгом в рассматриваемой работе, и анализ порождающих ее факторов в сегодняшний кризисный период развития человечества представляют особый интерес и требуют глубокого и вдумчивого изучения.

Список литературы

1. Юнг К.-Г. Сознание и бессознательное. – М.: Академический проект, 2009.
2. Юнг К.-Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994.
3. Психология: Словарь / Общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. М.: Политиздат, 1990.
4. Yogo R. Jung and Buddhism: A Hermeneutical Engagement with the Tibetan and Zen Buddhist Traditions. – Canterbury: The University of Kent, 2001.
5. Сюткина Е.Н., Кандыбович С.Л. Архетип как социокультурный феномен: философские и культурные основания // Человеческий капитал. – 2016. – № 7 (91). – С. 6-15.
6. Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс, 1994.

**ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ
ССЫЛОК И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА**

Образцы оформления ссылок:

1. В тексте: [10, с. 81]

В затекстовой ссылке: 10. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.

Образцы оформления записей библиографического списка:

А) Оформление описаний книг

Автор/ы (фамилия пробел инициалы). Заглавие: сведения, относящиеся к заглавию / сведения об ответственности (редакторы, переводчики, коллективы). Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания). (Серия). – Место издания: Издательство, Год издания. – Объем.

Примеры:

1. Аникин Б. А., Родкина Т. А. Логистика. – М.: Велби, Проспект, 2008. – 408 с.
2. Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2005: Стат. сб. / Подг. Тамашевич В.Н. и др. – Минск: ГУ БелИСА, 2006. – 204 с.
3. Джонсон Д., Шоулз К., Уиттингтон Р. Корпоративная стратегия: теория и практика: Пер. с англ. 7-е изд. – Минск: Вильямс, 2007. – 800 с.
4. Корпоративное управление: Владельцы, директора и наемные работники акционерного общества / Под ред. Хессель М.; пер. с англ. Миловидов В. – М.: Джон Уайли энд Санз, 1996. – 240 с.

Б) Оформление описаний статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника

Автор/ы (фамилия пробел инициалы). Заглавие статьи: подзаголовок (если есть) // Заглавие книги: сведения, относящиеся к заглавию / сведения об ответственности (редакторы, переводчики, коллективы). – Место издания: Издательство, год издания. – Местоположение статьи (страницы).

Пример:

1. Гохберг Л. М., Кузнецова И. А. Инновации как фактор модернизации экономики // Структурные изменения в российской промышленности / Под ред. Е. Г. Ясины. – М.: ГУ–ВШЭ, 2004. – С. 37–74.

В) Оформление описаний диссертаций и авторефератов диссертаций

Автор. Заглавие: дисс. (автореф. дисс.) ... канд. (док.) наук. – Место написания: издательство (если указано). – Объем.

Примеры:

1. Гевко В. В. Использование непроцессуальной информации во время доказывания на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – Киев: Украинская академия внутренних дел Украины, 1996. – 174 с.
2. Безродная В. Ф. Особенности формирования гражданского общества в процессе политической модернизации Украины: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Одесса, 2004. – 16 с.

Г) Оформление описаний статей из газет или журналов

Автор. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию (подзаголовок, если есть) // Название журнала. – Год выпуска. – Номер выпуска. – Местоположение статьи (страницы).

Пример:

1. Яковлев П. Госзаказ ждёт инноваций // Бюллетень Оперативной информации «Московские торги». – 2013. – № 4. – С. 8–9.

Д) Оформление описаний источников электронного ресурса удаленного доступа

Автор. Заглавие // Название источника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL (без знаков препинания в конце)

Пример:

1. Морозов М. Э. Что такое Третейский суд? // Общероссийский информационный ресурс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://arbitrage.ru/articles/32-Chто-takoe-treteiskii-sud.html](http://arbitrage.ru/articles/32-Chto-takoe-treteiskii-sud.html)

ОБРАЗЕЦ
ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 130.2

Н. П. Рагозин

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: nragozin@inbox.ru

ОБРАЗЫ ТРАДИЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Традиция как объективная форма социально-исторической преемственности и её различные образы в теоретическом сознании эпох, процессы наследования и его способы – такой главный предмет предлагаемой статьи. Автор связывает формирование основ теоретического понимания традиции с материалистическим пониманием истории К. Маркса, с его трактовкой общества как органической системы производства и воспроизводства человека во всём богатстве его общественных отношений.

Ключевые слова: традиция как форма преемственности, общество как органическая система, традиция как производство и воспроизводство общественной жизни.

Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 2. Сост., общая ред. А.Л. Субботина. – М.: Наука, 1978, С. 5-222.
2. Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
4. Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955, Т.1. – С. 85-92.
5. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под редакцией А. Б. Гофмана. – М.: РОССПЭН, 2008. – 543 с.

N. P. Ragozin

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: nragozin@inbox.ru

IMAGES OF TRADITION IN THEORETICAL CONSCIOUSNESS

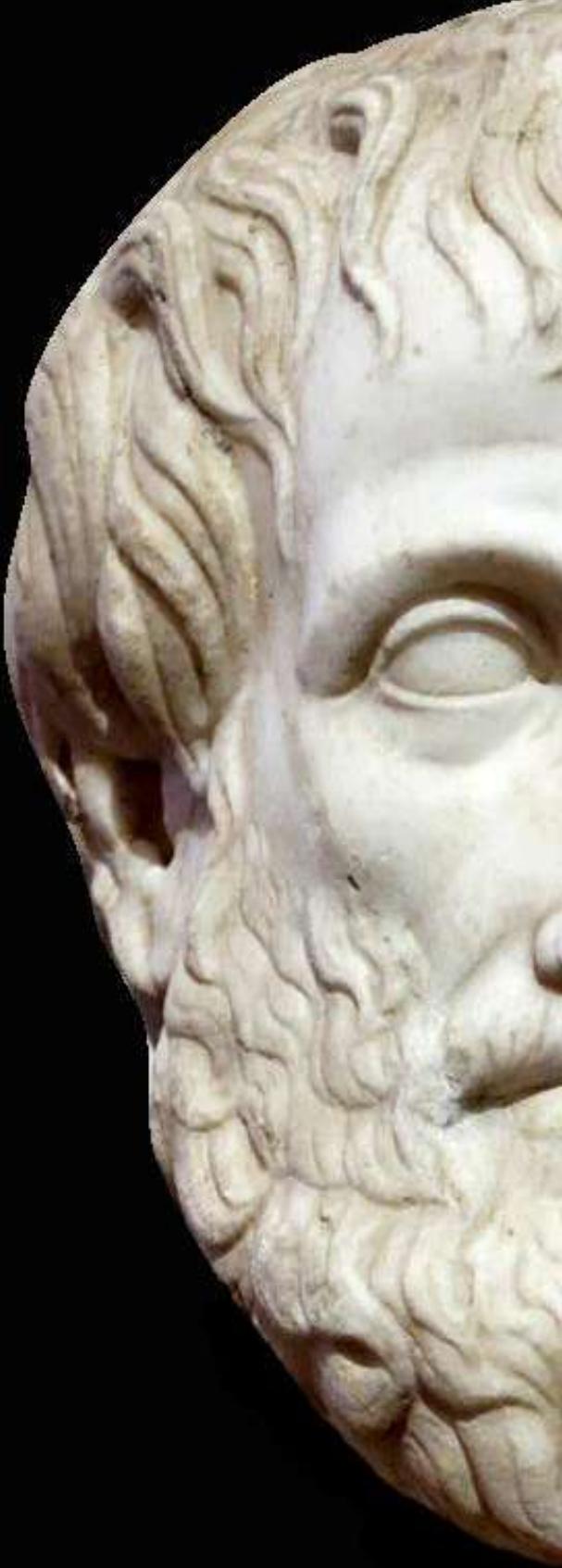
Annotation. The key subject of analysis in the suggested article is tradition as an objective form of social and historical succession and its various images in theoretical consciousness of different ages, processes of succession and its ways. The author connects formation of the basis of theoretical comprehension of tradition with Marx's materialistic understanding of history, with his interpretation of society as an organic system including the process of production and reproduction in its full variety of social relationships.

Key words: tradition as a form of succession, theoretical images of tradition, society as an organic system, tradition as production and reproduction of social life.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISSN 2522-9788